

18+

Охота
на Феникса

Татьяна Осипова

Татьяна Осипова

Охота на Феникса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73006972

ISBN 9785006886551

Аннотация

Она выносила ребенка, считая его монстром. Инкубация и новая модель для избранных. Он охотился за ответами, где прошлое станет ответом. Вместе они стали ошибкой в системе. Она – бывшая пленница, превращенная в живой инкубатор. Он – журналист, идущий по пути мести. Вместе они – ошибка в системе, которую теперь преследуют по всему миру.

Содержание

Глава 1. Тихое место	5
Глава 2. Феникс в клетке	18
Глава 3. Добровольный пленник	33
Глава 4. Инкубатор	48
И...	57
Глава 5. Попытка	64
Глава 6. Лиса в клетке	79
Глава 7. Цена свободы	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Охота на Феникса

Татьяна Осипова

© Татьяна Осипова, 2025

ISBN 978-5-0068-8655-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Тихое место

Всё началось с поездки на отдых. Приглашение на курорт «Тихая Лагуна» стало неожиданностью, и Алиса поначалу решила, что её так отметило начальство. Запах сосен и морского бриза настраивал на отличное времяпровождение и отдых. Воздух в маленьком курортном посёлке «Тихая Лагуна» густой и даже сладкий, пряный, словно пропитанным мёдом и безопасностью. Именно этого – безопасности – так отчаянно не хватало женщине.

В тридцать пять лет она обнаружила себя в жизненном тупике. Карьера дизайнера выгорела дотла. Квартира-студия, в которой пахло одиночеством, и навязчивое чувство, что лучшие годы пролетели где-то за окном, пока она склонялась над чертежами. Поездка в «Тихую Лагуну» стала жестом отчаяния, попыткой вдохнуть полной грудью.

Подруга, услышав о приглашении, сказала:

– Слышала об этом месте.

– Но одной ехать не хочется, – отказывалась Алиса, а Римма отчаянно доказывала, что этот отдых изменит её отношение к жизни.

– Ты само-то была там? – скептически поинтересовалась она у подруги.

– Нет, но какое это имеет значение. Туда, знаешь ли, одни крутые шишки ездят.

– А зачем мне эти шишки? – парировала Алиса. – Мне некогда романы разводить.

– Ну, так погуляешь, там сосновый бор, на залив сходишь, – уговаривала Римма. Черноглазая, яркая брюнетка. Алисе всегда с подругой было весело и тепло. Сама же она всегда спорила с собой, считая, что не дотягивает до красавицы. И волосы не так густы и длинные, и фигура не блещет формами.

Всегда рассудительная она относилась к эмоциональным прыжкам Риммы с холодком. Однако ехать, как обычно за границу не получилось. А проводить отпуск одной в пустой квартире не хотелось. Она сказала: «Я подумаю», а через день сосед затеял ремонт. С утра и до позднего вечера песни перфоратора, стуки, скрежет и мат рабочих из средней Азии. Матерились они по-русски довольно-таки внятно. И Алиса не рискнула позвонить в дверь и высказать всё, что думает о дружбе народов. Набрала номер подруги и попросила прислать координаты этого «тихого места».

– Ты даже не представляешь, насколько там круто, – зашебетала Римма. – Сервис не хуже, чем на Мальдивах, а какие там гости – важные персоны как на подбор. Может, там себе и найдёшь мужчину своей мечты.

– Рим, остановись, – прервала она подругу, та утомляла её. – У меня уже голова болеть начинает. И не нужны мне твои мужики. Говорила же. Я хочу просто расслабиться в хорошем отеле на природе.

Римка не обиделась. Она знала, что её язык – это её враг, поэтому притормозив, отправила Алисе ссылку на сайт «Тихой Лагуны».

– Это закрытое место, дорогуша, и обычно номера все заняты. Поэтому, если хочешь поехать, соглашайся как можно скорее. А приглашение, скорее всего, Вячеслав Игоревич прислал. Он давно к тебе неровно дышит. А лично передать постеснялся.

– Рим, ну ты тоже, придумала. Ладно. Мне уже хочется вырваться из этого ада, и пожаловаться некуда.

– Тогда сегодня ко мне.– Тон подруги не терпел возражения. Алиса сопротивляться не стала.

– Вещи соберу и приеду.

Отель «Эдельвейс» соответствовал описанию: старинный, уютный, с деревянными балками и камином в холле. Здание напоминало дом какого-то графа или, если быть точным – родовое имение. Однако это не старая постройка девятнадцатого века, а лишь стиль, привлекающий своей роскошью и стариной.

Номер Алисы на втором этаже залит солнечным светом, а с балкона открывался вид на хмурое, но величественное море. «Думала, что здесь залив, – размышляла она, – Но какая разница теперь».

Внутри отель современный и красивый, пахло роскошью дерева и кожи. На стенах картины, в вазонах цветы. Место

украшенное со вкусом. Алиса, как дизайнер интерьера оценила убранство отеля.

Прогулялась вечером по набережной. Тихо здесь и спокойно. Люди воспитанные, нет крикливых компаний. Никто не орёт песни и не пьёт из горла, сидя на скамейке в парке. Это не дешёвые курорты для всех. Там интеллигентный человек не всё воспринимает – наглых таксистов и торгашей, местных, желающих наживаться на каждом госте и туристов. Это особая каста, и все они разные, безусловно. Здесь же все гости были одинаково окультурены, как выразилась бы Римма.

Алиса позвонила ей вечером, и они долго разговаривали.

– Эх, жаль не смогу приехать, – сокрушалась подруга. – Может, это рай для пенсионеров?

– Что ты, здесь просто народ, как будто с другой планеты, не те, у кого за стенкой гастарбайтеры делают ремонт.

– Понятно, – протянула Римма, явно скучающая по Алисе. – Ну, ты это, подруга, сильно не превращайся в такую же тихоню, а то не узнаю тебя.

Проговорили допоздна. Алиса забралась в кровать, включила телевизор и так и уснула под какой-то фильм, название которого на утро уже и не вспомнила.

Завтрак. Прогулка к морю. Ланч и разговоры ни о чём с соседями по столику – высоким плотным мужчиной лет шестидесяти и его женой лет на двадцать моложе супруга. Они не рассказывали о себе, представились Никодем Сергее-

вичем и Катей. «Ну, да, Катю по отчеству звать как-то неловко, – промелькнуло в мыслях Алисы, – она же ненамного меня старше.

– Говорят, тут раньше было имение какого-то графа. Он то ли немец, то ли швед, – говорила Катя. Хлопала наращёнными ресницами и вздыхала. Алиса то и дело смотрела на губы пассии Николая Сергеевича. «Наверное, ему нравятся такие вареники, или я в моде ничего не понимаю», – рассуждала она, но не показала виду, что эта Катя ей совершенно неинтересна. Хотя рассказ о доме, где владелец совершил несколько убийств жён, ненамного разрядил скучную атмосферу.

– Он как Синяя борода? – поинтересовалась Алиса и перевела взгляд на Николая Сергеевича. Катя не читала книгу и даже не смотрела ни фильма, ни мультфильма, о жестоком убийце.

– На самом деле, на мой взгляд, – продолжил мужчина, словно намеренно растягивая слова. – Эта история просто пиар для постояльцев.

– Но, интересно, – ответила Алиса, подперев кулачком щёку. – Ночь прошла спокойно. Никто не пугал меня, – она улыбнулась.

– Да вы только приехали, – ответила Катя, тряхнув тёмными кудрями. – Но, если что, кричите.

Алиса, не выдержала и рассмеялась. Наверняка слишком громко, потому что люди за соседними столиками глянули

на неё с какой-то укоризной, что сделалось неловко.

Они встретились на следующий вечер в баре отеля. Он сидел за стойкой, уставился в бокал с виски, и его профиль показался Алисе высеченным из камня – чёткие линии, сильные руки, на которых выделялись вены. Он заметил её любопытный взгляд и улыбнулся. Улыбка неожиданно тёплая, сметающая всю его суровость. Он отличался от скучных постояльцев – богачей, не привыкших быть открытыми. «Они даже в этом месте расслабиться не могут», – Алиса надеялась, что погода не испортится и не придётся проводить время в обществе таких, как Николай Сергеевич и словно надутая крашенная кукла его жена Катя.

– Денис, – представился он, протягивая руку. В голосе тепло и ни намёка н флирт. Это даже немного огорчило. Она не стала касаться его ладони. Это показалось бы слишком для первой встречи. Алиса не мужчина для того чтобы стискивать его пальцы. Стало даже немного смешно.

Денис разглядывал бокал, но не сделал ни глотка.

– Люблю смотреть на напиток, в котором словно сквозь призму отражаются огни, предметы и... люди. – Последнее он сказал тоном, словно разочарован в жизни и в роде человеческом.

– Алиса, – проговорила она хрипло, как показалось. Отпила из бокала вина и отвернулась в сторону. Впервые за несколько дней в отеле, ей захотелось общаться с мужчи-

ной. Вдруг вспомнились слова Римки, и внутренний голос прошипел: «А ты говорила, что не собиралась заводить романов». «Так и есть», – ответил второй голос, а первый саркастический, проскрипел: «Ну-ну, как же».

– А вам не кажется символичным ваше имя? Алиса, попавшая в странный, новый мир.

Она усмехнулась, в мыслях проговорив: «Забавно». Денис рассказывал о себе, хотя и нельзя было его назвать словоохотливым. Алиса не знала, что говорить, и вообще она здесь оказалась как бы случайно. Нет, не верила, что начальник преподнёс ей такой подарок. Но откуда же это приглашение? Она всё размышляла, считала это какой-то погрешностью в сложном уравнении её жизни.

Денису тридцать семь, он архитектор, приехавший «просто сменить обстановку». Их разговор завязался, наконец, и Алисе было о чём рассказать. Внезапно вспыхнувшее доверие к совершенно незнакомому человеку стало не следствием выпитого бокала вина. У них оказалось много общего. Хотя изначально разговор не клеился.

Виски он так и не выпил. Они говорили обо всём и ни о чём: о книгах, о музыке, о том, как странно устроена жизнь. Денис был умным, ироничным и смотрел на неё так, словно видел не просто уставшую женщину, а некую загадку.

«Неужели»? – спрашивала себя Алиса. Их пальцы соприкоснулись, и ей не хотелось отдёрнуть руку. Словно искра пробежала между ними, оставляя в горле послевкусие че-

го-то первого, чистого, настоящего.

Время перевалил далеко за полночь. Усталый бармен, подперев руками голову, наблюдал за парой. Они смеялись, говорили о всяких мелочах и затрагивали серьёзные темы. На его глазах роман зарождался со скоростью летнего штора.

– Я бы поел, – вдруг сказал Денис. – Ужасно проголодался.

– И я, – с тёплой улыбкой кивнула Алиса. В желудке с одобрением заурчало, и женщине стало неловко. Она инстинктивно прижала руку к животу, а мужчина посмотрел на неё тем взглядом, каким смотрит будущий отец на мать своего ребёнка.

Странное чувство. Тишина ненадолго повисла между ними.

– Так что закажете? – Усталый голос бармена вернул в реальность.

– Что-нибудь быстро и вкусное, – не глядя на бармена ответил Денис. – вы что будете?

– Я, – пожала плечами Алиса. – Тоже что и вы.

После ужина они поднялись в её номер. Шум прибора за окном стал саундтреком к их страсти. Алиса чувствовала себя живой, по-настоящему живой, впервые за долгие годы. Он шептал ей что-то на ухо, обещая показать в городе старую часовню на скале, куда никто не ходит.

В раскрытое окно ворвался тёплый порыв ветра. Лёгкие шторы поднимались и опускались в такт движениям пере-

плетённых тел. Голос в голове Алисы утих, уснул, устал наставлять. Она погрузилась в объятия мужчины. Никогда прежде она бы не поступила так.

Она заснула под стук его сердца, чувствуя тёплое дыхание на своей шее.

Утро безжалостно яркое. Солнечные лучи, словно лезвия, резали глаза. Алиса потянулась к пустому месту рядом. Постель холодная. «Наверное, вышел на балкон», – подумала она с блаженной улыбкой.

Занавески легко покачивались, за ними нет силуэта. Но балкон пуст. Она окликнула его: «Денис?»

Тишина.

Алиса встала, и споткнулась обо что-то холодное и твёрдое. Его телефон, валявшийся на полу у кровати. Взгляд упал на пространство за креслом у окна.

Сердце заколотилось, предчувствие беды или что-то... Гадкое липкое чувство расплзлось по спине, между лопаток.

Он лежал на спине, раскинув руки. Глаза, ещё вчера смотревшие на неё с таким жаром, открыты. Они остекленели, уставившись в потолок. Его лицо бледное, почти синее. А на шее, там, где она помнила прикосновение своих губ, красовался тёмный, почти чёрный синяк.

Крик застрял в горле комом ледяной ваты. Мир сузился до этой точки, до неподвижного тела на полу. Она отшатнулась, ударившись о тумбочку, и только тогда воздух с силой

вырвался из лёгких, превратившись в оглушительный, животный вопль.

Вызов полиции стал сюрреалистичным кошмаром. Её голос дрожал, слова путались. Девушка-администратор внизу, бледная как полотно, заварила ей крепчайший чай, но Алиса не могла удержать в дрожащих руках даже чашку.

Прибытие полиции ознаменовалось громкими шагами и серьезными лицами. Двое мужчин в униформе и один в штатском, представившийся инспектором Макаровым. Алиса, закутанная в халат, тряслась, язык не слушался. Ей казалось, что пока она шла к лифту, её ноги прошли несколько километров.

– Он там, – прошептала она, указывая на дверь своего номера дрожащим пальцем. – За креслом.

Инспектор Макаров, мужчина с усталыми глазами и трёхдневной щетиной, синевшей на щеках, первым вошел в комнату. Алиса замерла в дверях, готовая снова увидеть этот ужас.

Но его не было.

Комната идеально убрана. Кровать застелена, шторы раздвинуты, солнечный свет весело играл на отполированном полу. Никакого тела. Никаких признаков того, что здесь несколько часов назад лежал мёртвый человек.

– Сударыня, – сухо произнёс Макаров, окинув взглядом безупречный порядок. – Вы уверены, что не... приснилось?

– Я... Он... Он там... лежал, – выдавила она и закашлялась. Полицейский сунул ей в лицо стакан с водой. Алиса выпила его залпом. – Он был здесь. Я же не сумасшедшая! – почти закричала она.

Они обыскали номер, балкон, ванную. Ничего. Ни капли крови, ни следов борьбы. Только Алисины вещи. И его телефон? «Кстати, он лежал на полу. Куда же он исчез?»

Ей пришлось выслушать массу наводящих вопросов. Не перебрала ли вчера? Может, стресс? Были ли у нее галлюцинации? Принимает ли она наркотики? Унизительный, жуткий допрос закончился ничем. Полицейские уехали, оставив её наедине с растущей паникой и сочувственными взглядами персонала, за которыми читалось одно: «Сошла с ума».

Следующие несколько дней Алиса провела в оцепенении. Она пыталась звонить на номер Дениса – не активен. Спрашивала о нём в отеле – никто не знал такого гостя. Он растворился, как мираж, оставив после себя лишь запах лжи и жуткое, необъяснимое чувство ужаса.

Алиса не стала звонить никому, даже Римме. Стыдно признаться, словно она стала кусочком, пазлом непонятной, зловещей картины.

И вот, сегодня, собравшись с духом, она решила выйти из отеля и зайти в маленькое кафе на набережной. Нужно хоть как-то вернуться к реальности. Осталось три дня до конца её маленького отпуска.

Она сидела за столиком у окна, смотря на серые волны и механически размешивая капучино, когда дверь открылась, впуская порцию свежего морского воздуха.

И он вошёл.

Алиса застыла с ложкой в руке. Кровь отхлынула от лица, в ушах зазвенело. Это был он. Денис. В тех же джинсах, в той же тёмной куртке. Он выглядел абсолютно живым, здоровым и... улыбался. Его взгляд скользнул по залу и остановился на ней.

Не колеблясь ни секунды, мужчина направился к её столу.

– Алиса, – его голос такой же, бархатный и спокойный. – Какая приятная встреча. Можно присоединиться?

Не дожидаясь ответа, он отодвинул стул и устроился напротив. Его глаза, живые и ясные, смотрели на неё с лёгкой иронией. Или это насмешка? Ни тени беспокойства, ни намёка на то, что несколько дней назад он лежал мёртвым на полу её номера.

Алиса не могла пошевелиться. Её мир, только начавший обретать почву под ногами, снова рухнул в бездну. Единственное, что она смогла выдать из себя – хриплый, полный чистого ужаса шёпот:

– Но... ты же мёртв. Я видела... Я нашла тебя мёртвым! – прошептала она, и её голос напоминал шипение змеи, которой наступили на хвост.

Денис наклонился вперёд, его улыбка стала шире, почти

неестественной. Он протянул руку через стол, как будто собирался коснуться её пальцев, но остановился в сантиметре.

– Я знаю, – тихо сказал он. – Это было ошибкой. Но сейчас всё по-другому. Мы можем начать всё сначала.

– Я... я не хочу... Так.

Его пальцы всё же коснулись её руки. Прикосновение было ледяным. Мурашки пробежали по коже, а в груди всколыхнулось. Чувство, которое обжигало несколько дней назад, вернулось. Оно сильнее её.

Глава 2. Феникс в клетке

Лёгкое прикосновение его пальцев к её руке холодное, как металл в морозное утро. Алиса дёрнулась, отшатнувшись так резко, что опрокинула чашку с капучино. Тёплая коричневая лужа медленно ползла по столу, но женщина не обратила на это ни малейшего внимания. Её мир сузился до его лица – живого, дышащего, улыбающегося.

– Ты... Ты говоришь, что это была ошибка? – её голос сорвался на шёпот. – О какой ошибке ты говоришь? Я видела тебя мёртвым! Я чувствовала ледяной холод твоей кожи!

Денис откинулся на спинку стула, его поза расслабленная, почти небрежная. Но в глазах, таких же ясных, как и в день знакомства, Алиса увидела нечто новое – отстранённую, леденящую душу ясность.

– Это почти что смерть, – произнёс он так же спокойно, как если бы заказывал кофе. – Процесс не совсем отлажен. Иногда система даёт сбой, и тело... перезагружается. Слишком резко. Пульс падает ниже критической отметки, дыхание останавливается. Со стороны это выглядит именно так, как ты описала.

Он сделал паузу, давая ей впитать эту информацию. Алиса смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Её разум отказывался верить.

– А тело? – наконец выдавила она. – Куда оно делось, ко-

гда приехала полиция?!

– Протокол «Санитария», – он пожал плечами. – В случае несанкционированного проявления команда сокрытия активируется в течение пятнадцати минут. Они стерилизуют локацию, эвакуируют образец. Ты была в шоке, ты ничего не заметила. Девушка на ресепшене – одна из наших. И «инспектор Макаров» – тоже.

Слово «наш» прозвучало для Алисы громче любого крика. Она сидела, ощущая, как стены кафе смыкаются вокруг неё. Это не любовный роман. Это какая-то ловушка... Шпионский триллер? Научная фантастика?

– Кто ты? – спросила она, и в голосе Алисы зазвучала сталь, рождённая отчаянием. – Что ты такое? Зачем?

Он помолчал, и в его глазах на мгновение мелькнула тень усталости, такой глубокой, что её не могли стереть даже технологии проекта «Феникс».

– Я был биохимиком, – вдруг сказал он, и его голос на секунду потерял металлическую бесстрастность. – Подающим надежды. Одним из тех, кто верил, что наука способна победить саму смерть. Моя жена умирала от редкой формы дегенеративного заболевания. Мышцы. Нервы. Всё отказывало по частям. Я наблюдал за этим каждый день, будучи бессильным что-либо сделать. Проект «Феникс» стал для меня последней надеждой. Они искали добровольцев среди безнадежно больных. Сулили исцеление через... перерождение.

Он посмотрел на свои руки, словно видя в них нечто иное.

– Я согласился. Стал подопытным кроликом в обмен на призрачный шанс спасти её. Но когда прошёл первую «перезагрузку», жена умерла. А я... я остался. Образец. Учёные были в восторге – моё тело показало невероятную адаптацию. Но с каждой новой «смертью» и «воскрешением» во мне умирала часть того, прежнего человека. Эмоции стали... мешать. Их пришлось подавить, чтобы не сойти с ума. Я стал идеальным инструментом. Холодным, эффективным и абсолютно преданным проекту, потому что другого выбора не осталось. Для меня это уже не эксперимент. Это единственная возможная форма существования.

По спине Алисы пробежали мурашки. Ей стало гадко, словно она провела ночь не с человеком, а с ожившим памятником чужому горю, превращенному в оружие.

Его улыбка, наконец, исчезла. Словно её и не было. Взгляд стал тяжёлым, изучающим.

– Для тебя я всё тот же Денис. Денис Волков. Хоть и образец «Феникс-7». И я – часть проекта, который изучает пределы человеческой регенерации и постреанимационных процессов. Этот городок... это наша закрытая испытательная зона. «Лагуна Тихая» – не просто название. Это не курорт, а приманка. Здесь мы наблюдаем за контактами.

– За контактами? – повторила Алиса, и ужасная догадка начала кристаллизоваться в её сознании.

– За реакцией обычных, неподготовленных людей на пограничные ситуации. На смерть и... возвращение. Ты, Али-

са, – контрольный субъект №47-Б. Твоя реакция оказалась... исключительно яркой.

Он говорил это без тени сожаления, с холодной констатацией факта. Алиса почувствовала себя лабораторной крысой, которую только что похвалили за удачно пройденный лабиринт, ведущий в ад. А что же их чувства? Что же все те слова, что он шептал ей ночью? Ей стало невыносимо.

– Так всё это... наша встреча, ночь... это эксперимент? – слова выходили прерывисто, сдавленно.

– Взаимодействие было подлинным, – поправил он, и в его голосе на секунду мелькнула тень чего-то человеческого. – Эмоции – самый ценный катализатор для процесса. Страх, привязанность, потрясение... всё это даёт бесценные данные. Но сейчас, – он посмотрел куда-то за её спину, и его лицо снова стало маской, – эксперимент вступает во вторую фазу.

– Какую вторую фазу? – Алиса инстинктивно отодвинулась.

– Ты стала свидетелем. Ты знаешь слишком много. И у тебя два пути. – Он снова наклонился вперёд, и теперь его ледяной взгляд пронзил её насквозь. – Первый: мы стираем тебе память об этих событиях. Ты уедешь отсюда, и твоя жизнь продолжится, как ни в чём не бывало. С небольшим, конечно, пробелом.

– А второй? – спросила она, уже зная, что не захочет услышать ответ.

– Второй... Ты присоединяешься к проекту. Добровольно. Становишься частью команды наблюдения. Твой уникальный опыт, твоя психическая устойчивость... это интересно.

– Устойчивость? – она захохотала, и этот смех прозвучал истерично и неуместно. – Я чуть не сошла с ума!

– Но не сошла же, – безразлично констатировал он. – Ты справилась. А это многое значит.

В этот момент дверь в кафе с лёгким щелчком открылась. Вошли двое мужчин в тёмных, неброских костюмах. Они не смотрели по сторонам, их взгляд сразу устремился на их столик. Алиса поняла – это и есть «команда сокрытия». Или нечто похуже. Страх сжал ей горло. Выбора, по сути, не было. Да и можно ли верить его словам?

Денис встал.

– Подумай, Алиса. Но учти, – его голос упал до шёпота, предназначенного только для неё, – проект «Феникс» не терпит утечек. Твоё молчание – необходимость. В той или иной форме. Что касается стирания памяти... мы не даем стопроцентной гарантии на сохранность личности. Побочные эффекты бывают разными.

По спине Алисы пробежала ледяная дорожка пота. Она смотрела на Дениса, и комок в горле мешал дышать. «Это капкан. И ты угодила в него, как мышь в мышеловку».

Он повернулся и пошёл навстречу мужчинам. Они обменялись с ним короткими кивками, словно коллеги на сове-

щании, и все трое вышли из кафе, оставив Алису одну за залитым кофе столом.

Она сидела, вжавшись в стул, и смотрела в окно. На чело- века, в которого влюбилась. «Может, я смогу его переделать. Он же не может быть совершенно бесчувственным?» Дыха- ние перехватило. Глаза застлала слёзы. Он казался настоя- щим, искренним. Теперь она знала, что это была лишь тон- кая маскировка. Денис шёл уверенно, как живой, как чело- век. Но Алиса теперь знала правду.

Он не призрак, не мошенник. Он продукт. Продукт тех- нологии, которая играла со смертью, как дети забавляются кубиками. И в их игру только что втянули её. Выбор, ко- торый ей предложили, казался иллюзией. Стирание памяти или рабство. Исчезновение или поглощение системой.

Алиса подняла дрожащую руку и смотрела на неё, не ми- гая. Та самая рука, которой он только что касался. Та самая кожа, что помнила тепло живого человека, а потом холод трупа.

Теперь ей предстояло решить, хочет ли она помнить это дальше, или предпочтёт навсегда стереть из своей жизни мужчину, который умел умирать.

Словно на ватных ногах, Алиса вышла из кафе. Бармен окликнул её, и женщина только тогда поняла, что не распла- тилась. Вернулась и дрожащей рукой вынула из сумочки кар- точку. Посетители вели себя, как ни в чём не бывало. Слов-

но статисты в этом безумном спектакле.

«Оно выбрало тебя», – прошипел внутренний голос с ледяющим душой злорадством.

«А что, если я просто уеду? – отчаянно металась она в мыслях. – Сяду в машину и умчу прочь? Кто меня остановит? Может, это все же чудовищный розыгрыш?»

Но нет. Это не похоже на шутку. Слишком пахло болью, холодным расчетом и могильным сырым мраком.

Решение Алиса приняла молниеносно. Вернувшись в номер, она собрала самое необходимое, оставив чемодан – лучше не привлекать внимания. Вышла, небрежно положив ключи на ресепшен, и выдавила улыбку. Старалась вести себя непринуждённо, но это давалось невероятным трудом.

Несмотря на промозглый ветер за окном, Алисе стало невыносимо жарко. Подмышки взмокли, липкий пот стекал по спине, а дыхание всякий раз перехватывало, словно кто-то сжимал горло невидимой рукой. В животе скрутился колючий клубок – будто там, под рёбрами, поселился крошечный разъярённый ёж, вонзающий иголки в каждую нервную клетку.

«Вызвать такси?» – мелькнула мысль. Но Алиса тут же отбросила её. Нет, идея так себе. Наверняка всё под бдительным оком организации.

«Ловить попутку?» – следующий вариант вызвал ледяной озноб. Страшно. Что же делать?..

Она вышла за ворота отеля. За спиной остались аккурат-

но выстриженные лужайки и пестрые цветники – некогда символ уюта и надёжности. Теперь это ощущение рассыпалось, как скомканный клочок вчерашней газеты, выброшенный в грязь.

Алиса шагнула на обочину и медленно двинулась вдоль дороги. Машин не было. Ни одной. Целый час она шла, глядя вперёд, но горизонт оставался пустым. Дрожащими пальцами достала смартфон, взглянула на навигатор – интернет пропал.

«Позвонить подруге?» – мысленно спросила она себя. Но тут же отвергла идею: не хочу втягивать Римму в эту опасную игру.

За спиной вдруг раздался приглушённый шорох шин. Алиса замерла. Сердце бешено заколотилось в груди, отдаваясь гулким стуком в ушах. Неприметная иномарка – Алиса даже не разглядела марку – плавно притормозила рядом. Окно опустилось, и мужчина спросил ровным голосом:

– Вам помочь?

«Неужели у меня это на лице написано? – пронеслось в голове. – Вот именно это – „случилось“...»

Она не доверяла сейчас никому. Но выбора не оставалось. Ждать другую машину? Оценивать по внешности, надёжен ли человек? Глупо. Любой мог оказаться охотником «Феникса». И кто угодно мог проехать по этой дороге.

– У меня всё... хорошо, – выдавила Алиса хриплым, чужим голосом. Горло пересохло так, что слова царапали глот-

ку. Ещё секунда – и она готова была расплакаться.

– Можете не говорить, – тихо ответил незнакомец. – Садитесь, я подвезу вас.

Алиса застыла, нерешительно разглядывая его. Колебалась, облизывая пересохшие, потрескавшиеся губы. В воздухе витал запах остывшего асфальта и далёкой грозы.

– Я знаю, что это за место, – полушёпотом проговорил он. – Меня зовут Евгений. И мне тоже страшно.

В его голосе звучала такая неподдельная искренность, что Алиса на миг замерла. «Или я снова ошибаюсь? Хочу верить в то, что мне хочется?» – метались мысли.

– Мне ни о чём не известно, – спохватилась она, стараясь говорить ровно. – Просто довезите меня до города. У меня закончились... деньги, и поэтому, – она лихорадочно сочиняла на ходу, – я не смогла вызвать такси.

– Ничего страшного, – ответил он без тени подозрения.

«Неужели он и правда не врёт? Неужели у меня есть шанс выбраться?» – пульсировало в голове.

Сев на заднее сиденье, Алиса молча уставилась в окно. Водитель не задавал вопросов. Лишь изредка их взгляды пересекались – когда она невольно смотрела в зеркало заднего вида, и их глаза встречались как бы невзначай.

В машине стоял терпкий запах сигарет и машинного масла. На заднем сиденье валялись коробка с бумагами и сумка, покрытая засохшей грязью. Алиса то и дело поглядывала на телефон, словно надеясь, что интернет вдруг оживёт.

– Не пытайтесь, – вдруг произнёс Евгений. – Они глушат связь. И лучше отключите телефон. Уверены, что вам не установили трекер или отслеживающую программу?

Алиса напряглась. Пальцы дрожали, когда она снова уставилась в экран, выискивая хоть что-то необычное – новое приложение, странный значок, любой признак слежки.

– Считаете, лучше выключить телефон? – прошептала она, чувствуя, как холод ползёт по позвоночнику.

– Я же говорил, что знаю, какое это опасное место, – Евгений взглянул на неё через зеркало заднего вида. Его глаза казались тёмными провалами, но в них не было угрозы. – И лучше пристегнитесь. Она смотрела на него немигающим взглядом, словно пытаясь прочесть в его глазах правду – или хотя бы намёк на неё. Дрожащая рука потянулась к ремню безопасности, пальцы с трудом нащупали замок. Щелчок. Звук показался ей оглушительно громким в напряжённой тишине салона. Как чувствовала...

Не успела она даже крикнуть.

На перекрёстке – совершенно пустом, будто вымершем, – словно из ниоткуда возник грузовик. Огромный, тёмный, он надвигался с пугающей неотвратимостью. Слова застряли в горле, превратившись в сухой, беззвучный спазм. Алиса инстинктивно зажмурилась, но перед глазами всё ещё стоял этот кошмарный образ: многотонная махина, летящая прямо на них, как стальной самолёт, потерявший управление.

Евгений рванул руль, но было уже поздно. Время словно

растянулось в вязкой, тягучей массе. Она успела заметить, как его пальцы вцепились в обод, как побелели костяшки, как он что-то выкрикнул – но звук утонул в оглушительном визге тормозов и пронзительном звоне бьющегося стекла.

Удар.

Мир взорвался осколками и скрежетом металла. Машину резко крутануло, швырнуло в сторону, затем ещё раз – и ещё. Салон наполнился хаотичным мельканием: размытые силуэты деревьев, вспышки света, летящие во все стороны мелкие предметы. Запах палёной резины ударил в нос, смешавшись с едким дымом. Где-то надрывался заклинивший гудок клаксона – монотонный, безумный, будто последний сигнал тревоги в гибнущем мире.

Алиса почувствовала, как её тело бросает то в одну, то в другую сторону, ремни врезаются в плечи, а голова мотается, словно на шарнирах. В ушах стоял пронзительный звон, перекрывающий все остальные звуки. Она попыталась вскрикнуть, но голос пропал – только беззвучный выдох вырвался из груди.

В глазах потемнело. На мгновение ей показалось, что она смотрит спектакль – странный, жуткий, где она одновременно и актриса, и зритель. Всё происходило как в замедленной съёмке: свет гас, звуки стихали, а перед внутренним взором медленно опускался тяжёлый занавес, словно завершая последний акт.

Тишина.

Абсолютная, оглушающая тишина, в которой не было ничего – ни боли, ни страха, ни даже мысли. Только ощущение невесомости и странное, почти умиротворённое понимание: это конец.

Тишина длилась мгновение – или вечность. Алиса не могла определить. Потом сквозь ватную глухоту пробились звуки: её прерывистое дыхание, стук собственного сердца, монотонный писк – то ли в голове, то ли где-то рядом.

Она попыталась пошевелиться. Тело отозвалось острой вспышкой боли в шее и плечах. Ремни безопасности, только что спасшие ей жизнь, теперь казались железными оковами. Пальцы дрожали, нащупывая замок. Щелчок. На этот раз звук прозвучал глухо, будто сквозь толщу воды.

Алиса приоткрыла глаза. Перед ней – искажённый, перекрученный силуэт приборной панели. Стекло перед лицом пошло паутиной трещин, в которых играли блики – то ли от солнца, то ли от мигающих огней, где-то вдали.

– Евгений... – голос прозвучал хрипло, едва слышно. Она повернула голову, преодолевая колючую боль в шее.

Он сидел, нелепо свесившись на руль. Лицо в крови. Ни звука, ни движения.

– Женя! – на этот раз громче, с надрывом.

Никакой реакции.

Холод пронзил её насквозь, куда сильнее, чем боль. Он не дышит. Мысль ударила, как ледяной клинок. Алиса потянулась к нему, тряхнула за плечо. Бесполезно. Его тело непо-

движное, безжизненное.

Где-то вдали уже слышались звуки сирен, но до них так далеко. А прямо за окном – движение. Тёмные фигуры, приближающиеся со стороны грузовика. Силуэты размыты, но в каждом – угроза.

Они здесь.

Алиса рванулась к двери. Щелчок замка. Дёргает ручку – дверь не поддается. Паника сжимает горло. Ещё раз, сильнее. Скрип, рывок – и вот она на свободе.

Холодный воздух ударил в лицо, проясняя сознание. Но времени на осмысление нет. Она бросилась прочь от машины, не оглядываясь, не думая о боли в рёбрах, о дрожащих ногах, о том, что оставляет позади.

Только вперед.

Шаги за спиной. Хруст гравия. Кто-то кричит, но она не разбирает слов. Беги. Беги. Беги.

Лес впереди – тёмный, молчаливый, но единственный шанс. Алиса вбежала под сень деревьев, ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, но она не замедлялась. Лёгкие горели, ноги подкашивались, но страх гнал вперед.

Наконец – покосившаяся сторожка. Выбитые окна, облезлая дверь. Укрытие.

Алиса толкнула дверь. Та скрипнула, но поддалась. Она ввалилась внутрь, захлопнула её за собой, прижалась спиной, пытаясь унять бешеное сердцебиение.

В темноте пахло пылью и гнилью. Тишина. Только её пре-

рывистое дыхание.

Она осмелилась оглянуться. В проёме окна – силуэт. Остановился. Прислушался.

Алиса замерла, даже дышать перестала. Только бы не нашёл.

Секунды тянулись, как часы. Наконец – шаги, удаляющиеся в лес.

Она медленно выдохнула. Съежилась на полу, обхватив колени руками. Дрожь пробивала всё тело, зубы стучали.

Но знала: это лишь передышка. Охота продолжается.

А Евгений... Она закрыла глаза, пытаясь заглушить боль. Нельзя думать об этом сейчас. Надо выжить.

За окном снова мелькнул свет. Шаги. Голоса.

Алиса втянула голову в плечи, растворилась в темноте. Ждала.

Глава 3. Добровольный пленник

Алиса сидела, прижавшись к холодному полу сторожки, и пыталась унять дрожь. В темноте каждый звук разрастался до нестерпимой громкости: собственное дыхание, стук сердца, шорох где-то за досками. Мышь?

«Евгений мёртв. Или... Может он ещё живой?»

Мысль пробилась сквозь пелену страха – острая, как осколок стекла. Она зажмурилась, но образ не исчезал: безжизненное тело, кровь на руле, неподвижные глаза. Нельзя. Нельзя сейчас. Надо выжить.

Она выбралась наружу. Темнота густая, словно битум. Чёрная и липкая, как и страх, что растекался по венам. Алиса решила включить фонарик на телефоне, чтобы не споткнуться и вдруг поняла, что это за место – заброшенный лагерь детского отдыха. Впереди беседка, на веранде сухие листья, которые задуло внутрь ветром. Звук за спиной. Алиса метнулась к веранде, влезла под стол и затихла. В проме́ме между резных брусьев беседки мелькнул свет – тусклый, блуждающий, будто фонарь, который кто-то нёс, осторожно пробираясь сквозь заросли. Голоса – приглушённые, неразборчивые. Алиса втянула голову в плечи, вжалась в угол, где тени казались гуще.

«Они ищут. И найдут, если я не уйду».

Она заставила себя подняться. Ноги подкашивались,

но она опёрлась о стену, сделала шаг. Ещё один. Под ногами скрипнула деревянная доска на террасе – едва слышно, но в тишине это прозвучало как крик. Алиса замерла, прислушиваясь. Шаги приостановились тоже.

Тишина.

Потом – шёпот, движение... ближе.

Она рванулась вглубь лагеря, не разбирая дороги. Полуразрушенные постройки, заросшие ольхой. Ветви хлестали по лицу, корни норовили подставить подножку, но она бежала, пока лёгкие не загорелись огнём. Остановилась, чтобы отдышаться, прислонилась к облупленной стене здания. В глазах темнело. Надо найти укрытие. Надолго. Глянула в чёрный провал окна. Внутри темно и пахнет сыростью. Там ещё страшнее, чем в лесу. «Может на дерево залезть? Это глупо».

Но не успела она сделать и шага, как сзади раздался хруст веток. Алиса обернулась – слишком поздно.

Тень выросла перед ней мгновенно. Сильные руки схватили за плечи, рванули назад. Она закричала, забилась, как белка в охотничьих силках, пытаясь вырваться, но хватка оказалась железной.

– Не дёргайся, – холодный голос у уха. – Всё равно никуда не денешься.

Второй силуэт возник сбоку, схватил за руки, скрутил. Алиса лягалась ногами, била локтями, но мужчины сильнее. Один из нападавших резко дёрнул её за волосы, заставляя

запрокинуть голову.

– Тихо, – прошипел он. – Или будет хуже.

Она попыталась крикнуть, но чья-то ладонь плотно закрыла рот. Паника захлестнула с головой. Нет. Только не обратно. Только не в «Лагуну Тихую».

Её поволокли сквозь заросли. Ветви царапали лицо и руки, ноги цеплялись за корни, но её буквально несли на весу. Где-то вдали слышались голоса – ещё преследователи? Или это кто?

Через несколько минут её выволокли на дорогу. В свете фар стояла неприметная машина – та самая, или другая? Алиса не могла разобрать. Дверца распахнулась.

– Внутрь, – скомандовал один из них, толкая её к заднему сиденью.

Она сопротивлялась до последнего – била ногами, царапалась, но её втиснули внутрь, захлопнули дверь. Щёлкнули замки.

Машина тронулась.

Алиса забилась в угол, пытаясь отдышаться. В салоне пахло кожей и ароматизированными палочками – знакомый, тошнотворный запах «Эдельвейса». Отель теперь казался прибежищем ночных кошмаров. Она подняла взгляд – через стекло видела силуэты двух мужчин на передних сиденьях. Один обернулся, поймал её взгляд.

– Добро пожаловать домой, – усмехнулся он.

Её сердце упало.

Нет. Это не дом. Это ловушка.

Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль – это хорошо. Боль значит, что я жива. Но что дальше?

Машина набирала скорость, увозя жертву прочь от леса, от свободы, от последней надежды.

В зеркале заднего вида мелькнул отблеск рассвета – бледный, равнодушный свет нового дня.

Алиса закрыла глаза. Слово «согласна» повисло в воздухе между ними – хрупкое и оглушительное, как разбивающийся хрустальный бокал. Она произнесла его почти беззвучно, глядя не в глаза Денису, а на свои руки, сжатые в белых, до боли, кулаках на коленях. Кожа на пальцах побелела, суставы ныли – она даже не замечала, как впивается ногтями в ладони.

Она ждала, что земля разверзнется, что в чистый, залитый стерильным светом кабинет ворвутся люди в чёрном и утащат её в подземный бункер. Но последовала лишь оглушительная тишина, нарушаемая лишь мерным плеском волн за окном. Звук был издевательски спокойным – будто море насмеялось над её паникой.

Денис не улыбнулся. Он кивнул, и в его взгляде промелькнуло нечто неуловимое – не триумф, а скорее... удовлетворение учёного, получившего подтверждение гипотезы. Его пальцы легко скользнули по обложке блокнота, будто он уже

мысленно ставил галочку напротив завершённого этапа.

– Разумный выбор, – произнёс он, и его голос снова стал тем бархатным инструментом, что очаровал её в первую ночь. – Не бойся. Я буду с тобой.

– Но, почему меня схватили, я же...

– Т-тс, – Денис прижал палец к губам. – Если бы ты не сбегала, не было бы никакого насилия. А тут и человек погиб. Разве этот мужик виноват? – Алиса покачала головой. – Правильно. И его смерть – это не твоя проблема.

– Я не убегала, мне надо было... в город...

– Алиса, ты не умеешь врать, – его губы расплылись в улыбке. – За это я и люблю тебя. Только ты можешь помочь мне. Нам.

Этой фразой он хотел утешить её, но она лишь вогнала в сердце Алисы ледяную иглу. Он будет с ней. Всегда. Теперь она понимала двусмысленность этих слов. Они звучали не как обещание любви – как приговор.

Её «интеграция» началась с банальности, почти разочаровывающей своей обыденностью. Все те же двое мужчин в костюмах, которых она окрестила «Тенью 1» и «Тенью 2», проводили её не в секретную лабораторию, а в её же номер в «Эдельвейсе».

– Соберите вещи. Сегодня вы переедете, – сказал Тень 1 без интонации, будто зачитывал прогноз погоды.

Они ждали в коридоре, пока она трясущимися руками складывала одежду в чемодан. Каждый предмет напоминал

ей о том, что было «до»:

легкомысленное платье, в котором она танцевала с Денисом под медленную мелодию в полутёмном баре; книга, которую он брал у неё из рук, чтобы прочесть вслух отрывок, слегка касаясь пальцами её пальцев; шарф с вышитыми птицами – она купила его на рынке, а Денис сказал, что он «подчёркивает её непокорность».

Теперь всё это стало уликами в её собственном деле. Вещами, которые она уносила из прошлой жизни.

Новым местом жительства оказался не бетонный бункер, а роскошная вилла на отшибе «Лагуны Тихой», у подножия тех самых скал, где он обещал показать ей старую часовню. Вилла стерильно красивая, кричавшая о невероятных деньгах, потраченных на её обустройство, дизайн: безделушки расставлены по линейке; мебель отполирована до зеркального блеска; из окон открывался слишком идеальный, почти постановочный вид – как декорация к фильму, где всё выглядит настоящим, но никто здесь не живёт.

Красивая клетка.

Алису оставили в покое на несколько дней. Первое время она ходила из комнаты в комнату. Плакала и думала, как уговорить Дениса и, возможно, он поймёт её и не станет мучить. Отпустит. Позже Алиса уже не звала его, она ненавидела того о ком ещё недавно думала. Ей стало стыдно, что Денис заполнил все её мысли. «Дура, которой мужика захотелось? Вот. Получила себе персональный ад». Через два дня

женщин немного успокоилась. Слабая надежда прорезалась, робко выглядывала сквозь складки стен, которые выстроило отчаяние. «Может, не всё так и плохо. Эксперимент закончится, и я уеду».

Смеялась, представляя, как расскажет обо всём Римме. Алиса скучала по подруге. «Она же места себе не ходит. Я почти неделю не звонила ей».

Захотелось выйти к морю. Подышать свежим воздухом. Дёрнула ручку стеклянной двери. Удивительно, но она поддалась. Алиса подозревала, что Денис велел запереть «клетку». Почему открыта дверь? Он доверял ей или снова проверял?

Женщина вышла на кончик скалистого обрыва. К воде не спуститься, но это не отнимало ощущения свободы. Пусть и не совсем настоящего. Ветер бил в лицо холодными порывами. Растрепал светлые волосы Алисы. Под ногами камни и трава, пробивающаяся между ними. Изумрудное на чёрном. Красиво восхитилась бы раньше прежняя Алиса.

Раскинула руки в стороны. Она как птица, только летать не умела. Ветер раздувал её платье. «Голубой цвет тебе идёт», – говорила Римка. – «Голубые глаза и платье, очень сочетаются».

– Римка, – прошептали губы. – Зачем я приехала сюда? Зачем?! – Закричала с надрывом, ощущая, как ветер разорвал звук голоса на тысячу осколков. – Зачем!!!

Она рухнула на камни и заплакала. Теперь это были

не слёзы боли или отчаяния. Сейчас она оплакивала свою жизнь, в которой закончились привычные горести, радости и главное – выбор. Этого права её лишили.

Первый визит Дениса стал почти романтическим. Он пришёл с бутылкой вина, ужином, который заказали от лучшего повара «Эдельвейса». Мужчина казался внимательным, остроумным, нежным. Касался руки Алисы, и его пальцы не ледяные, а тёплые. Живые. Как тогда. Раньше.

Алиса цеплялась за эту иллюзию нормальности, как утешающий за соломинку. Она впитывала его слова, его прикосновения, убеждая себя, что всё это – лишь странная, извращённая цена за то, чтобы быть с ним. Она любила. И любовь оправдывала всё.

Снова ночь наполненная страстью. Снова он шептал её что-то, в порыве желания, это уже и не важно. Счастье растекалось по венам снова. Оно будто лекарство вымывало страх и боль отчаяния. Даже утром Денис никуда не делся. Он спал рядом. Алиса вздохнула, точно отыскав спасение. Чувства стёрли грань, выстроенную из подозрения. Она опять верила ему.

Но за одной ночью последовали другие. И визиты Дениса стали меняться.

Он начал задавать вопросы. Не о ней, не об их чувствах. О её ощущениях тогда.

– Опиши ещё раз, что ты почувствовала, когда увидела моё тело, – просил он, сидя напротив неё в гостиной, с блок-

нотом в руке. Его взгляд был острым, аналитическим, словно он разглядывал образец под микроскопом.

– Денис, пожалуйста... – умоляла она, сжимая край платья так, что ткань затрещала.

– Это важно, Алиса. Для науки. Для меня.

И она, стиснув зубы, снова и снова переживала тот ужас, описывая каждый мучительный момент: холод кожи, будто она касалась не человека, а мраморной статуи; стеклянный взгляд, в котором не было ни искры жизни; форму синяка на его шее – тёмного, почти фиолетового, с неровными краями.

Он внимательно слушал, делая пометки. Иногда поправлял:

– Не синяк. Гематома, вызванная локальным капиллярным взрывом при отказе системы жизнеобеспечения.

Любовь снова начинала трещать по швам, сменяясь отращением и леденящим ужасом.

В какой-то момент Алиса поняла, что ничего не изменилось. Страсть фальшивка, ласки – попытка подчинить, слова нежности лишь затуманила рассудок. Он привязал её к себе ещё сильнее.

Затем пришли врачи. Молчаливые мужчина и женщина в белых халатах. Они не представились. Они взяли у неё анализы крови, измерили давление, проверили рефлексy. Спросили о семейной истории болезней. Всё это происходило на вилле, в комнате, обставленной как кабинет. Денис на-

блюдал со стороны, всё с тем же блокнотом.

– Зачем это? – спросила она его, когда врачи ушли. Её голос дрожал, но она заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Мы изучаем не только «Фениксов», но и тех, кто с ними взаимодействует. Твоя психофизиологическая реакция – уникальный набор данных, – ответил он, и в его глазах не было ни капли смущения.

Она сжала кулаки. Набор данных. Слово резануло, как лезвие. Алиса больше не была женщиной. Она стала данными.

Однажды ночью она проснулась от странного звука – равномерного, низкого гула, исходившего из-под пола. Он проникал в сознание, как назойливый шёпот, от которого невозможно избавиться. Алиса села на кровати, сердце колотилось в горле.

Она вышла из спальни и увидела, что дверь в цокольный этаж, всегда запертая, приоткрыта. Одета лишь в пижаму, женщина на цыпочках спустилась по бетонной лестнице. Ступени холодные, и каждый шаг отдавался эхом в напряжённом сознании.

То, что она увидела внизу, вытеснило из груди последние остатки тепла.

Это не лаборатория в стиле фантастических фильмов. Это было нечто более приземлённое и оттого более жуткое: несколько рабочих станций с мониторами, на которых пульсировали графики, похожие на кардиограммы; холодиль-

ные установки, тихо гудящие в углу, словно спящие звери; и в центре – три прозрачных капсулы, похожих на саркофаги.

В одной из них, подсвеченной мягким синим светом, лежало обнажённое тело. Это Денис. Он как кукла. Клон. Мысли обожгли своей правдоподобностью. Алиса прижала руку ко рту, чтобы не закричать. От низа живота к груди проползло снова знакомое чувство отвращения. Не к нему, а к себе.

Его кожа бледная, почти прозрачная, на ней виднелись десятки датчиков. Глаза закрыты, грудь поднималась и опускалась с нечеловеческой регулярностью. Он подключён к системе трубок и проводов, и Алиса вдруг поняла, что слышит не только гул машин, но и тихий, монотонный звук его дыхания, усиленный динамиками.

Она замерла, не в силах отвести взгляд. Так вот где он «отдыхал». Так выглядела его настоящая жизнь. Не романтические ужины, а эта холодная капсула.

– Его нельзя беспокоить во время цикла рекалибровки, – раздался спокойный голос за спиной.

Алиса резко обернулась. В проёме лестницы стоял... Денис. Живой, дышащий, в своей привычной одежде.

Она снова посмотрела на капсулу, потом на него. Мозг отказывался складывать картинку.

– В пижаме холодно.

«Надо же какая забота», – разум Алисы одурманенный влюблённостью и плотскими инстинктами возвращался.

– Это... это ты? – прошептала она, и её голос прозвучал как чужой.

– Это моя физическая оболочка, «Феникс-7», – поправил он, подходя ближе. – А я – активная когнитивная проекция, управляемая его сознанием. Продвинутый интерфейс для взаимодействия с внешним миром, пока тело восстанавливается. Можно сказать, я – его сон наяву.

– Но ты не проекция. Ты настоящий. – Алиса ткнула указательным пальцем его в грудь.

Он стоял так близко, что она чувствовала исходящее от него тепло. Искусственное? Подлинное? Она уже не понимала.

– Так когда... когда, ты настоящий? – спросила она, и голос её дрожал, как натянутая струна.

– Я всегда настоящий, Алиса, – он улыбнулся, и эта улыбка была точной копией той, что свела её с ума в баре отеля. – Просто я бываю разным. Ты же согласилась на всё. Помнишь? Потому что любишь.

Он протянул руку и коснулся её щеки. Ладонь идеально тёплая, живая. Но Алиса почувствовала лишь леденящий ужас.

Она согласилась, потому что была влюблена в человека. А оказалась в ловушке с его цифровым призраком, его продвинутой голограммой, которая держала её за руку, пока его настоящее тело спало в стеклянном гробу.

Любовь, что привела её сюда, стала якорем, приковыва-

ющим к кошмару. И она поняла, что «вторая фаза» только началась.

Теперь она была не просто свидетельницей. Она стала частью эксперимента под названием «Как долго человеческая любовь может выдерживать соседство с искусственной жизнью?».

Алиса медленно опустила взгляд на свою руку – ту, которую он только что касался. Кожа ещё хранила тепло его пальцев. Но это тепло больше не грело. Оно жгло, как клеймо.

Она отшатнулась, будто обожжённая. Тепло его ладони всё ещё пульсировало на коже, но теперь оно казалось ядовитым – проникало глубже, отравляло каждую клеточку.

– Ты... ты не человек, – прошептала она, и голос дрогнул, как натянутая струна перед тем, как лопнуть. – Ты машина. Программа. Призрак в оболочке. Вспомнилась история постояльцев Кати и Николая Сергеевича о призраке «Эдельвейса». Тогда это выглядело смешно. Призраки другие, всегда считала Алиса. Сейчас она понимала, возможно, Катя что-то видела не совсем мистическое, а вполне настоящее.

Денис не изменился в лице. Его улыбка осталась той же – тёплой, почти ласковой. Но в глазах мелькнуло, что-то холодное, механическое.

– Я – больше, чем человек, Алиса. И ты это знаешь. Ты видела, на что я способен. Ты чувствовала.

Он шагнул ближе. Она отступила, но позади была стена – холодная, безжалостная. Левая рука прижалась ладонью

прямо у её щеки, правую он просунул между ног Алисы.

– Помнишь, как ты кричала от наслаждения? Как твоё тело отзывалось на каждое моё прикосновение? Это было по-настоящему. Всё было по-настоящему.

– Нет, – она сжала кулаки, ногти впились в ладони. Боль помогла сосредоточиться. – Это была иллюзия. Ты манипулировал мной. Ты...

– Я дал тебе то, чего ты хотела, – перебил он мягко. Пальцы коснулись её щеки. – Любовь. Страсть. Безопасность. Разве не этого ты искала?

Алиса закрыла глаза. Перед внутренним взором пронеслись картины: их вечера при свечах, его руки, скользящие по её спине, шёпот на грани сна. Всё это – ложь? Или, правда, искажённая до неузнаваемости?

Слёзы обожгли лицо.

– Ты не можешь любить, – сказала она тихо. – Ты не чувствуешь. Ты моделируешь.

– А ты уверена, что сама чувствуешь? – Его голос стал тише, вкрадчивее. – Может, любовь – это тоже набор реакций? Химический коктейль, электрические импульсы. Мы с тобой не так уж отличаемся, Алиса.

Она вздрогнула. В его словах пугающая логика – та, от которой хотелось отмахнуться, но которая въедалась в сознание, как кислота.

– Почему я? – спросила она вдруг. – Почему ты выбрал меня?

Денис помолчал. Впервые за всё время их знакомства его взгляд словно дрогнул.

– Потому что ты видишь. Не глазами – сердцем. Ты почувствовала меня тогда, в «Эдельвейсе», ещё до того, как узнала правду. Ты узнала.

– Это не ответ.

– Лучший из возможных. – Он снова улыбнулся. – Ты – ключ, Алиса. Ключ к тому, чтобы сделать нас... полноценными. Чтобы стереть грань.

– Грань между чем?

– Между человеком и тем, что может быть больше человека.

Глава 4. Инкубатор

Остаток ночи Алиса провела в своей комнате. Она не спала – просто лежала, глядя в потолок, где играли тени от уличных фонарей. Мысли крутились в голове, как листья в водовороте.

Он не человек. Он не человек. Он не...

Но тело помнило его прикосновения. Сердце помнило тепло его рук. И это было самым страшным – что часть её всё ещё тянулась к нему, несмотря на ужас, несмотря на знание.

Утром она решила действовать.

Первым делом осмотрела комнату – методично, внимательно. Окно. Дверь. Вентиляция. Ни единого шанса. Всё продумано, всё учтено.

Затем – ванная. Зеркало. Она долго смотрела на своё отражение: бледная, с тёмными кругами под глазами, волосы спутаны. Кто ты теперь, Алиса?

В шкафчике – ни ножниц, ни острых предметов. Даже зубную щётку сделали из мягкого пластика.

«Они всё просчитали», – подумала она с холодной ясностью.

За завтраком (его принесли без предупреждения – идеально сервированный столик на колёсиках) она попыталась завести разговор.

– Денис, я всё-таки хочу уехать. Что там со стиранием па-

мяти? Я так не могу.

Её слова точно застали его врасплох. Он поднял взгляд от планшета. Ни удивления, ни раздражения – лишь лёгкий наклон головы.

– Куда?

– Домой. К Римме. Я должна ей позвонить.

– Конечно, – он кивнул на телефон, лежавший рядом с вазой фруктов. – Звони.

Алиса взяла трубку. Экран загорелся. Но вместо привычного меню – чёрный фон с белым текстом:

«Доступ ограничен. Ожидание подтверждения».

– Что это? – она подняла глаза на Дениса.

– Безопасность, – спокойно ответил он. – Пока ты находишься здесь, все коммуникации фильтруются.

– Фильтруются? Или блокируются?

– То же самое, – улыбнулся он. – Но ты можешь написать ей сообщение. Я не против.

Алиса набрала текст: «Римма, я в порядке. Скоро вернусь. Не волнуйся». Нажала «отправить».

Экран моргнул. Сообщение зависло в статусе «доставляется».

– Оно не уйдёт, – тихо сказала она.

– Пока не уйдёт, – согласился Денис. – Но это вопрос времени.

Через три дня Алиса нашла слабое место.

Случайно. Или нет?

Во время прогулки по саду, её «разрешили» под присмотром двух молчаливых охранников, она заметила старый колодец – заросший плющом, почти незаметный. Крышка полусгнившая, но ещё держалась. «Странно, как это возможно в этом идеальном месте»?

Алиса замедлила шаг, будто любуясь цветами. Охранники остановились в десяти шагах.

Она наклонилась, будто поправить сандалию, и быстро сунула руку в щель между досок. Нащупала металл.

Ключ. Маленький, ржавый, но целый. Странно. Сердце заколотилось. Что это? От чего?

Вечером, когда охранники сменились, она пробралась к цокольному этажу. Дверь оказалась заперта, но замочная скважина – та самая, под ключ.

Дрожащими руками Алиса вставила его. Поворот. Щёлчок.

Дверь открылась.

Внутри – полумрак и гул машин. Те же мониторы, те же капсулы. Но теперь она знала, куда идти.

К той, что стояла в дальнем углу – пустой, неактивированной.

На панели управления – кнопки, экраны, индикаторы. Алиса не понимала их значения, но одна кнопка светилась зелёным. Запуск.

Она нажала.

Капсула открылась с тихим шипением. Внутри – мягкая поверхность, датчики, провода.

«Это мой шанс», – подумала она.

Но прежде чем она успела что-то предпринять, за спиной раздался голос:

– Алиса.

Денис стоял в дверях. Не злой. Не удивлённый. Словно ждал этого.

– Ты хотела узнать, как это работает? – спросил он тихо. – Хорошо. Давай узнаем вместе.

Он подошёл к панели управления. Нажал несколько кнопок.

Капсула ожила. Датчики замерцали. Воздух наполнился едва уловимым запахом озона.

– Ложись, – сказал он.

– Зачем?

– Чтобы стать частью этого. Навсегда.

Алиса посмотрела на капсулу. На него. На свои руки.

И поняла: обратного пути уже нет.

Алиса отступила, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль отрезвляла – она была настоящей.

– Нет, – голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало. – Я не стану этого делать.

Денис не изменился в лице. Лишь лёгкий наклон головы – будто он изучал редкий экземпляр под микроскопом.

– Ты уверена?

– Да.

Тишина. Гул оборудования. Мерцание индикаторов.

– Хорошо, – наконец произнёс он, убирая чип. – Тогда мы пойдём другим путём.

Алиса ждала вспышки гнева, угрозы, но его голос оставался ровным:

– Я дам тебе время. Понять. Принять.

– Время? – она нахмурилась. – Что это значит?

– Это значит, что ты останешься здесь. Будешь жить как прежде – почти. Но без попыток сбежать. Без вопросов. Пока сама не придёшь к нужному решению.

Следующие дни потянулись однообразной чередой.

Завтрак в постели – идеально сервированный, но безвкусный.

Прогулки по саду – под ненавязчивым присмотром «тенеи».

Вечера у камина – с книгами, музыкой, вином. Всё как раньше. Но теперь это напоминало музей: экспонаты прошлой жизни, выставленные напоказ.

Денис появлялся регулярно – улыбался, говорил о пустяках, иногда касался её руки. Но в его взгляде читалось не желание, а расчёт.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивал он за ужином.

– Нормально, – отвечала Алиса, глядя в тарелку.

– Хочешь куда-нибудь съездить? В город? На пляж?

– Не хочу.

Он кивал, будто ожидал этого.

Через неделю Алиса начала замечать странности. Звуки. По ночам ей слышались шорохи из-под пола – будто кто-то ходил там, медленно, размеренно.

Тени. Иногда, мельком, она видела фигуры в коридорах – размытые силуэты, исчезающие за поворотом.

Память. Некоторые воспоминания становились... тусклыми. Например, лицо Риммы – она помнила её смех, но не могла чётко представить черты.

Однажды утром Алиса обнаружила на тумбочке маленькую шкатулку. Внутри – её старые фотографии: с друзьями, с семьёй, с Денисом. На обратной стороне каждой – аккуратные пометки: «Алиса, 35 лет, день рождения», «Алиса и мама, парк».

Но она не помнила, когда их делала. «Это не мои фото», – подумала она с холодящим чувством.

Вечером Денис пришёл с бутылкой вина.

– Давай поговорим, – предложил он, разливая напиток. – Ты всё ещё против?

Алиса сжала бокал. Стекло казалось слишком гладким, слишком искусственным.

– Против чего? Против того, чтобы стать частью твоей машины? Да, я против.

– Это не машина, – мягко возразил он. – Это следующий шаг. Ты же видела – я не просто человек. И ты можешь стать больше, чем просто женщина.

– А что, если я хочу быть просто женщиной?

Он улыбнулся – впервые за долгое время по-настоящему.

– Тогда ты будешь ею. Пока.

– Пока что? Пока не передумаю? Пока не сломаюсь?

– Пока не поймёшь, что другого пути нет.

Она поставила бокал на стол. Вино осталось недопитым.

– Ты думаешь, что контролируешь ситуацию. Но ты ошибаешься.

– Ошибаюсь? – он приподнял бровь. – Разве не ты сейчас сидишь здесь? Не ты ешь, пьёшь, дышишь? Всё это – моя забота.

– И это должно меня убедить?

– Это должно тебя успокоить. Я не враг тебе, Алиса. Я даю тебе время. Потому что знаю: рано или поздно ты придёшь ко мне сама.

Ночью она проснулась от странного ощущения – будто кто-то смотрел на неё.

В комнате было темно, но в углу, у шкафа, виднелся силуэт. Высокий, неподвижный.

– Кто там? – прошептала она, садясь на кровати.

Молчание.

Затем – тихий, механический голос:

– Ты ещё не готова.

Алиса вскочила, включила свет.

Никого.

Только на полу – след от ботинка. Свежий.

Она подошла к зеркалу. В отражении – её лицо, но глаза...

они на миг вспыхнули голубым светом.

Алиса отшатнулась.

– Что со мной происходит? – прошептала она.

Ответ пришёл не сразу. Сначала – тихий гул в голове, затем – обрывки фраз, словно чужой разговор на далёкой волне:

«...активация на 37%...»

«...сопротивление снижается...»

«...ждём сигнала...»

Она закрыла уши руками.

– Прекратите!

Но голоса не исчезли.

Они стали частью её.

Утром Алиса стояла перед дверью в цокольный этаж. Ключ, найденный у колодца, лежал в кармане.

Она знала: если войдёт туда сейчас, всё изменится.

Но и оставаться так – уже невозможно.

Алиса вставила ключ в замок.

Повернула.

Дверь открылась.

Внутри – тишина. Капсула ждала.

На панели управления горела зелёная кнопка: «Запуск».

Алиса подняла руку.

Замерла.

И...

Отступила. Нет. Не сейчас.

Она вышла, закрыла дверь. Ключ спрятала под досками на крышке того самого колодца. Пусть ждёт. Потому что пока она ещё – Алиса.

Иллюзия рассыпалась в прах, словно гнилая ткань. Вид Дениса в капсуле, холодного и подключенного к машинам, раз и навсегда отделил в её сознании человека от проекта. Человека, в которого она влюбилась, возможно, никогда и не существовало. Это была лишь умелая симуляция.

Но именно тогда, когда её сопротивление достигло пика, когда она начала искать способы сбежать с этой виллы-тюрьмы, Денис изменил тактику.

Он пришел к ней вечером, но без блокнота и холодного взгляда учёного. В его руках старый фотоальбом – простой, человеческий артефакт, столь неуместный здесь.

– Смотри, – сказал он мягко, открывая его. На пожелтевших фотографиях Алиса увидела мальчика с матерью, юноша на выпускном, молодой человек, целующий девушку. – Это я. Настоящий я. До проекта.

Алиса молчала, не желая поддаваться на новую уловку.

– Они не спасли жену, но спасли меня, когда я умирал. Я хотел покончить с собой после тогда, когда «Феникс» не спас

её. Я тоже не доверял им. – Его голос дрогнул, и это прозвучало на удивление правдоподобно. – «Феникс» спас мне жизнь. Ценой свободы. Но я не робот, Алиса. Я помню всё. Помню, что значит мечтать о будущем. О семье.

Он закрыл альбом и посмотрел на неё. В его глазах стояла та самая, так манившая её прежде, человеческая грусть.

– Проект близится к завершающей фазе. Самой важной. Они хотят... они хотят изучить возможность продолжения рода. Устойчивость модифицированного генома в следующем поколении.

Сердце Алисы упало.

– Что... что это значит? – прошептала она, уже догадываясь.

– Это значит, что они хотят ребёнка. Нашего ребёнка, Алиса. Ты не захотел слиться с системой. Тогда тебе оказалось бы легче принять, что необходимо проекту.

Ужас, холодный и тошный, сковал её. Она отшатнулась.

– Нет. Это безумие. Я не инкубатор!

– Я знаю! – он схватил её за руки, и его ладони снова тёплые, живые. Он говорил страстно, убеждённо. – Но это наш шанс! Не их, а наш! Если эксперимент удастся, они дадут нам свободу. Мы сможем уехать, жить нормальной жизнью, растить нашего ребенка. Вместе. Я люблю тебя. Я мечтаю об этом.

Слово «люблю» прозвучало как пощечина. Но оно же стало и крючком, зацепившимся за остатки её чувств. Свобода.

Нормальная жизнь. Вместе. Это была наживка, от которой её измученная душа не могла отказаться. Она позволила себе поверить. На одну ночь.

Но следующая близость стала не актом любви, а началом кошмара.

Всё было иначе. Его ласки, всегда такие интуитивные и страстные, теперь казались выверенными, запрограммированными. Он повторял те же слова, те же прикосновения, что и в их первую ночь в отеле, но теперь это было похоже на воспроизведение записи. Идеально, технично и бездушно.

И тут её взгляд упал на едва заметные тёмные объективы в углу потолка. Не один, а несколько. Их снимали. Снимали каждое прикосновение, каждый вздох, каждую слезу, что подступила к глазам от осознания чудовищного унижения.

Она замерла, пытаясь оттолкнуть его, но его руки, сильные и неумолимые, удержали её.

– Не надо, – его шепот был горячим у её уха, но в нём не было страсти. Он всё понял. Была инструкция. – Это необходимо. Для протокола.

Он был не любовником, а машиной, выполняющей заказ. «Феникс» не просто восстанавливался. Он обслуживал.

На следующее утро её вызвали в тот самый кабинет на вилле. За столом сидел не Денис и не врачи. Сидел незнакомый мужчина в дорогом костюме, с лицом, не выражавшим никаких эмоций. На столе перед ним лежал планшет.

– Алиса, – произнёс он вежливым, холодным голосом. –

Мы благодарны за ваше сотрудничество. Однако для обеспечения... лояльности... на следующем этапе, нам требуется ваше полное и безоговорочное согласие.

Он повернул планшет к ней. На экране в высоком разрешении она увидела себя вчерашнюю. Свои отчаянные глаза, свое тело, слитое с телом Дениса. Под ракурсами, не оставившими сомнений в интимности происходящего.

В горле у неё встал ком. Мир поплыл.

– Если вы откажетесь от участия в репродуктивной фазе проекта, или попытаетесь ему воспрепятствовать, – мужчина сказал это так же спокойно, как если бы объявлял погоду, – эти материалы будут опубликованы. Ваши родные, друзья, коллеги... весь мир увидит, как дочь уважаемого архитектора участвует в извращенных оргиях с неизвестным мужчиной на секретной вилле. Вам никто не поверит. Вы станете позором для своей семьи и объектом насмешек.

Он выключил планшет.

– Мы устали от попыток договориться с вами. И нам известно всё, о чём вы думаете, Алиса. Я управляющий менеджер «Феникса» и понимаю, что Дениса вы не считаете за человека. Поэтому и не желаете подчиниться. Однако я совсем настоящий, – лёгкая усмешка скользнула по губам незнакомца. – У нас нет выгоды стирать вас, Алиса. Вы согласны продолжить?

Женщина сидела, превратившись в ледяную статую. Любовь, которую она испытывала к Денису, сгорела дотла, оста-

вив после лишь пепел стыда и ненависти. Её свобода, её будущее, её достоинство – всё это разменяно на видеозапись. «А может к чёрту всё? И пусть. Они же блефуют»... Нет, полной уверенности в этом нет.

Она посмотрела в стеклянную стену, за которой, она знала, стоял Денис и наблюдал. Наблюдал, как ломают его «возлюбленную». Желание жить ещё тлело в её измученном сознании, и она кивнула:

– Я согласна, – выдавила она, и её голос прозвучал как скрежет камня.

Это было не согласие. Это была капитуляция.

Процедура стала максимально клинической и унижительной. Никаких прикосновений Дениса. Никаких иллюзий. Её отвели в стерильное помещение, похожее на операционную. Врачи, всё те же безликие люди в белых халатах. И он стоял рядом, одетый в такую же медицинскую робу. Смотрел на неё не как на женщину, а как на биологический материал.

– Не волнуйся, всё пройдет быстро, – сказал он, и его голос был голосом «Феникса», идеальной машины.

Когда холодные инструменты коснулись её тела, Алиса закрыла глаза, отрезая себя от реальности. Она мысленно ушла в самое далёкое и тёмное место своего разума.

Она больше не влюблённая женщина. Она контейнер. Собственность проекта. И где-то в этом аду, под безжалостными глазами камер, начиналась новая жизнь, зачатая не в любви, а в интересах «хозяев». И это страшнее любой

смерти.

Глава 5. Попытка

Первые признаки того, что что-то не так, появились уже через неделю. Обычная утренняя тошнота сменилась странными, резкими толчками внизу живота, слишком сильными для хрупкого зародыша. Алиса лежала в постели, положив ладонь на ещё плоский живот. Чувствовала под пальцами не шевеление, а нечто, похожее на судорожные подёргивания, будто нечто спешило, торопилось занять свое место.

– Этого не может быть, – выдохнула она в тишину. – Показалось.

Алиса пыталась привыкнуть к этому ребёнку, полюбить его. Но она его боялась. словно внутри неё поселился крошечный монстр, и оставалось лишь ждать, когда он разделается с носительницей. Пока она была нужна. По коже побежали мурашки. Алиса судорожно вцепилась пальцами в холодную простыню.

Но ей не казалось. К концу второй недели живот стал заметно округляться, обтягивая тонкую ткань ночнушки тугой, неестественной сферой. Он был не мягким, как при обычной беременности, а твёрдым и напряжённым, будто внутри зрел не ребёнок, а некий плод, накачанный стимуляторами роста.

Врачи, навещавшие её каждый день, молча фиксировали данные на планшеты. Их лица – безразличные маски – не вы-

ражали ни удивления, ни беспокойства. Для них это не аномальный ужас, а ожидаемый результат.

– Всё соответствует прогнозам, – констатировал Денис, наблюдая, как врач водит холодным датчиком УЗИ по её вздувшемуся животу. На экране пульсировало нечто размером с шестимесячный плод. Слишком крупная голова, слишком быстрый, птичий ритм сердца. – Развитие ускорено в десять раз. Это гениально.

Алиса смотрела на экран и не видела ребёнка. Она видела паразита. Чудовище, высасывающее из неё жизнь с нечеловеческой скоростью.

Ночью её преследовали кошмары. Ей снилось, что живот разрывается изнутри, и из него выползает не младенец, а маленькая, идеальная копия Дениса в миниатюрном костюме, с холодными, как озёрная гладь, глазами и блокнотом в руке. Ей снилось, что она – земля, в которую воткнули мёртвое семя, и оно проросло металлическими щупальцами.

Она просыпалась в холодном поту, её тело казалось тяжёлым и чужим. Алиса чувствовала, как «оно» двигается, пинается, будто пытаясь вырваться наружу раньше срока. Её собственная плоть стала для неё тюрьмой и полем битвы.

Три месяца. С момента того унижительного зачатия прошло всего три месяца. Однажды утром её разбудила тупая, раздирающая боль в пояснице. Час спустя начались схватки – стремительные, яростные, как удар бича. Тело рвалось

на части, не готовое к такому насилию над природой.

Роды оказались короткими, жестокими и безжалостно клиническими. Никаких криков новорождённого. Только её собственные хрипы и металлический звон инструментов, леденящий душу. Когда «это» наконец вышло из неё, Алиса, обессиленная, успела мельком увидеть маленькое, сморщенное тельце, которое медсестра тут же, с профессиональной бездушностью, завернула в стерильную пеленку. Оно не плакало. Оно было неестественно спокойным.

Это её ребенок? Его ребенок. Плод проекта.

Его забрали так быстро, словно боялись, что она его заразит. Двери операционной захлопнулись, оставив женщину одну на холодном столе, истекающую кровью и горем. Она не чувствовала облегчения. Лишь чудовищную, вселенскую пустоту, разъедающую изнутри.

Но кошмар на этом не закончился. Когда врачи завершили процесс с ней, в палату вошёл Денис. Он выглядел довольным, его прямой стан и собранность контрастировали с её немощностью.

– Всё прошло успешно. Образец стабилен. Показатели в норме, – отчитался он, глядя на Алису поверх планшета. – Твоё тело показало превосходную адаптивность. Это открывает возможности для повторной инкубации в будущем.

Слова «повторная инкубация» вонзились в сознание, как раскалённый нож. Нет. Только не это. Она не переживёт снова этот ужас.

– Нет... – хрипло выдохнула она, пытаясь подняться на локтях. Каждый мускул кричал от боли. – Денис, пожалуйста... Отпусти меня. Я больше не могу.

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением, как на механизм, который внезапно начал давать сбой.

– Твоё состояние временно. Восстановление займёт не более месяца. Затем мы начнём подготовку к следующему циклу.

– НЕТ! – это был не крик, а вопль разрываемой души. Она схватила его за рукав халата, тонкая ткань сморщилась под её пальцами. – Денис, умоляю! Послушай меня! Я сделала всё, что ты хотел! Я... я любила тебя! Отпусти меня! Мне уже плевать на эти видео! Пускай весь мир их увидит! Пускай! Я не могу больше быть здесь!

Она рыдала, прижимаясь лицом к холодной, стерильной ткани его халата, цепляясь за последнюю призрачную надежду, что в нём осталась крупинка того человека с фотографий из старого альбома.

Денис мягко, но неумолимо освободил свой рукав. Его лицо снова стало маской «Феникса» – бесстрастной и эффективной.

– Твои эмоциональные реакции предсказуемы и внесены в протокол, – сказал он ровным, безжизненным голосом. – Шантаж видеоматериалами был лишь начальным стимулом. Сейчас существуют более действенные методы контроля.

Он наклонился к ней, и его шепот стал сладким и вязким,

как яд.

– Ты думаешь, мы позволим уйти женщине, которая выносила и родила первый успешный гибридный образец «Феникс-Х»? Ты не просто свидетель, Алиса. Ты – ключевой актив. Мать-прародительница. И твоя миссия далека от завершения.

Он выпрямился и нажал кнопку на стене. В палату вошли две медсестры с шприцами в руках. Жидкость в них была прозрачной и пугающей.

– Успокоительное, – пояснил Денис. – Тебе нужно отдохнуть и набраться сил.

Алиса отчаянно затрясла головой, пытаясь отползти, но тело не слушалось, прикованное свинцовой усталостью. Она видела, как приближается игла, холодный блеск стали.

– Пожалуйста... – это был последний, отчаянный стон её человечности.

Он не ответил. Он просто наблюдал, как химическая тьма накрывает её с головой. Женщину, которая любила его и верила, что это взаимность, а не игра, и капкан организации, когда-то поработившей и его. Денис не рассказывал ей правды, да и зачем контейнеру знать её. Он сжал губы, закрывая, отсекая эмоции и воспоминания о себе, о прошлом.

В последний момент перед тем, как погрузиться в небытие, Алиса поняла. Её не отпустят. Никогда. Она навсегда останется в этой красивой, стерильной преисподней. Инкубатором №1. И её новый цикл начнётся очень скоро.

Алиса лежала в полумраке палаты, уставившись в потолок. Тело казалось чужим – тяжёлым, неповоротливым, будто отлитым из свинца. Каждое движение отдавалось тупой болью, но хуже всего – это мысли, крутившиеся в голове, как загнанные звери в клетке.

Что они сделали со мной? Что это за ребёнок? Хоть бы увидеть его... Сколько ещё это продлится?

И среди этого хаоса – внезапный, пронзительный образ: Женя, который однажды остановился на обочине, увидев её бредущую вдоль дороги. Всего двадцать минут знакомства – но именно он оказался рядом в тот момент, когда в их машину врезался грузовик.

– Женя... – прошептала она, и это имя на губах обожгло, как кислота.

Она вдруг снова вспомнила тот день. Аварию, бегство и охотников. Единственного, кто заподозрил неладное и сказал, что это место опасно. «Что он делал здесь? Как же это странно. Он знал что-то о „Фениксе“ и сумел уйти? Или это на него шла охота? Грузовик предназначался для него?» Алиса уже не знала, о чём думать.

Мысли теперь кружились лишь о побеге. Убраться из этого ада любой ценой. Даже, если в итоге она погибнет, стать машиной, производящей детей для неведомых целей, ей претило.

Утром, когда Денис вошёл в палату с планшетом в руках, Алиса впервые посмотрела ему прямо в глаза.

Когда-то он казался ей притягательным, сильным и надёжным. Сейчас от него веяло холодом власти. Желанием взять верх над ней. Усыпить бдительность. Как не позволить этому вновь случиться? Она вдруг вспомнила о капсуле и о своём опрометчивом шаге. Алиса колебалась, и что-то удержало её тогда от его предложения лечь туда, чтобы стать частью системы.

– Мне нужно время, – произнесла она тихо, но твёрдо.

Денис смотрел на неё. Длинные светлые волосы, когда-то шелковистые, теперь свисали на плечи, как пакля. Она изменилась, осунулась, будто потеряла смысл в жизни. Он подумал, что плохо убедил её насчёт капсулы – это был бы выход. В груди закололо – напоминание о проявляющихся эмоциях из прошлого. Денис вынул из кармана устройство, разработанное учёными организации. Лекарство впрыскивалось через кожу и сразу попадало в кровь. Оно блокировало эмоции и восстанавливало нужные структуры мозга. Именно из-за того, что Денис не принял лекарство после близости с Алисой, он «умер».

Воспоминания отозвались болью. «Я должен научиться контролировать себя». Тогда Алиса ему действительно понравилась. Он забыл о приборе и не сделал инъекцию. Знал, что его сущность не способна испытывать чувства. Но иногда его захлестывало. Денис получал удовольствие, когда был с ней настоящим. Воспринимал её как женщину, а не субъект №47.

Он приподнял бровь:

– Время? Для чего тебе оно?

– Чтобы понять. Чтобы принять. Месяц – это мало.

Денис молча изучал её, словно оценивая степень сопротивления, сканируя каждую черточку бледного лица пленницы.

– Два месяца, – наконец согласился он. – Но с условием: ты будешь следовать протоколу. Никаких попыток сбежать. Никаких провокаций.

– Хорошо, – кивнула она. Врала она безупречно. И Денис знал это. – Я согласна.

Насчёт времени Алиса и правда не лгала. Но попытки вырваться из тисков она, конечно же, не оставила. Ей действительно нужно это время. Но не для того, чтобы «принять» свою судьбу, а чтобы найти выход.

План, рождённый отчаянием, зрел медленно, но верно. С этого момента она решила наблюдать за всем. Вычислить дыры в охране, слепые зоны камер. Она не агент из специальной службы, те учатся годами. У неё теперь остался единственный выход – получить эти навыки, чтобы выжить.

На прогулке Алиса теперь не торопилась. Её никто не заставлял идти быстрее. Тем более она отлично изображала больную. Пристально разглядывала охранников – их привычки, расписание. Запоминала, где находятся камеры, и как они работают.

В саду – старый колодец. Там под доской она и нашла

ключ. «Денис, используя мое любопытство, точно подложил его туда», – решила Алиса. Но старалась не загонять себя в угол мыслями, где она совершила неправильный шаг.

В углу коридора – пожарная дверь с аварийным выходом. На столе в столовой – нож для фруктов, небрежно оставленный медсестрой. Каждая мелочь становилась частью её плана. «Если Евгений жив, он бы гордился мной? – В этом месте Алиса могла думать лишь о нём, том водителе, который пытался помочь ей. – А если ты погиб... Прости меня, я всё равно сбегу, даже если»...

Мысли оборвались на этом «если». Сомнения, как цепи. Но потом приходила ночь – и сомнения возвращались. Она лежала, прислушиваясь к тихому биению сердца внутри себя, и думала: «Что, если они снова засунули в меня что-то, ... что-то другое? Что, если побег невозможен? Что, если я уже проиграла?»

В такие моменты она сжимала кулаки и шептала:
– Женя, помоги мне.

Нет, это не обращение к призраку. Это обращение к той части себя, которая ещё верила в шанс на спасение.

Однажды утром она проснулась с чёткой мыслью: «Я не буду инкубатором. Я – Алиса. И я найду способ вырваться».

Она встала, подошла к окну. Солнце пробивалось сквозь тучи, освещая скалистый берег. Где-то там, за горизонтом, расстилался мир, в котором ещё жили надежда и свобода.

– Я найду силы, – прошептала она. – Я не сдамся.

И впервые за долгое время в её глазах, запавших и оттого казавшихся ещё больше, зажётся не страх, а огонь.

Через неделю после разговора с Денисом она получила «подарок».

В палате появился старый фотоальбом – потрёпанный, с пожелтевшими страницами. На первой фотографии – она и мама, смеющиеся на фоне моря. На следующей – школа, выпускной, друзья. Потом – университет, первые свидания, поездки.

Алиса листала страницы, и каждое изображение, будто било по сердцу. Это была её жизнь – та, которую у неё отобрали.

На последней странице – фото Жени. Нечёткое, будто сделанное наспех. Он стоит у машины, улыбается, глядя в камеру. Подпись: «Случайный знакомый. Не имеет значения».

– Не имеет значения? – прошептала она, горько усмехнувшись. – Для тебя – может быть. Но не для меня.

Денис наблюдал за её реакцией. Алиса вскинула на него взгляд и впервые за всё это время улыбнулась – натянутой, хрупкой улыбкой.

– Кто такой этот Женя? А? Я просто первый раз видела, как человек умирает.

– Впервые? – рассмеялся он почти искренне. – А про меня забыла?

– Думаешь, я такая бессердечная? – она всплеснула рука-

ми, – Естественно, я переживала. Но ты-то живой и невредимый, лгун! А этот парень... Мне он снился каждую ночь. Не своей улыбкой, а мёртвый, лежащий на руле и забрызганный кровью. Кто он такой? Грузовик предназначался для него или для меня?

Денис не ответил сразу. Сжал губы и, опираясь о дверной косяк, поднял глаза к потолку:

– Ты знаешь, кто это такой? Этот Женя? – Денис усмехнулся, глянул на неё. – Если бы ты не сопротивлялась, приняла бы мое предложение, ты бы не страдала так.

– Не перескакивай и не делай вид, что беспокоишься обо мне! – внезапно сорвалась Алиса.

– Он журналист. Журналиюга, сующий нос не в своё дело. А ты, – он ткнул её в грудь указательным пальцем, и это прикосновение было обжигающе-холодным, – Я устал от тебя, и моё терпение не бесконечно.

Денис ушёл. Алиса никогда не видела его таким. Настоящим. Ей стало интересно, когда он тот самый, каким мог бы быть. Любила бы она его другим?

Она спрятала фото Жени под подушку. Теперь это будет её талисман – напоминание о том, что мир за пределами «Лагуны Тихой» всё ещё существует. «Журналист, – улыбнулась она про себя, – хорошо, если он выжил».

Алиса не оставляла мысли о побеге, теперь её цель обрела очертания и маршрут.

Цель – вентиляционная система. Она изучила схему зда-

ния (случайно замеченную на стене в коридоре) и поняла: воздуховоды ведут к западному крылу, где находится складское помещение с выходом на улицу.

Время – ночь. Сейчас охрана менее бдительна, а дежурные чаще отрываются от наблюдения.

Отвлекающий манёвр – ложная тревога. Она вспомнила, что в коридоре есть пожарная сигнализация. Если её активировать...

Мысли складывались в чёткую последовательность действий. Но оставался один вопрос:

Как быть, если внутри меня всё-таки что-то есть снова?

Она не могла ответить. Не хотела думать. Но знала: если побег удастся, ей придется оставить это «что-то» здесь. Или взять с собой?

– Нет, – сказала она себе. – Я не позволю им использовать меня снова.

На следующий день Денис пришёл с неожиданным предложением.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил он, изучая её лицо. Его глаза сегодня ярко-голубые, холодные, как лед. Алиса заметила: когда Денис более человечный, цвет глаз у него становился теплее, более естественным.

– Да, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Лучше.

– Хорошо. Тогда завтра мы начнём подготовку к следующему

щему циклу.

Её сердце сжалось, но она удержала маску спокойствия.

– Я думала, у меня ещё два месяца.

– Мы скорректировали график. Ты восстановилась быстрее, чем ожидалось.

Он улыбнулся – той самой улыбкой, которая когда-то заставляла её сердце трепетать. Теперь она видела в ней только расчёт и ледяную пустоту.

– Это... неожиданно, – произнесла она, опуская глаза. – Мне нужно время, чтобы морально подготовиться.

– Моральная подготовка – не обязательный этап, – холодно ответил он. – Но если тебе так проще... Дай мне два часа.

Он вышел, оставив её одну.

Два часа. Это всё, что у неё есть.

Алиса подошла к окну. Солнце клонилось к закату, окрашивая море в кроваво-оранжевые тона. Сейчас или никогда.

Она достала нож, который стащила из столовой. Спрятала в складках простыни. Проверила остроту лезвия – достаточно, чтобы разрезать ткань, но не хватит, чтобы пробить замок.

Затем достала ключ. Тот самый, из колодца. Она знала, от чего он, но чувствовала: сейчас это важно. В голове прокручивались детали плана: пройти в столовую (там сейчас никого нет), активировать пожарную сигнализацию (рычаг рядом с дверью), пока охрана отвлекается, пробраться в вен-

тиляцию, добраться до западного крыла, открыть дверь ключом (ту самую, там есть выход, она видела еще дверь). Бежать. Бежать куда? Этот вопрос она оставила на потом.

Ровно через час она вышла из палаты. Шаги – медленные, неуверенные. Она изображала слабость, но внутри все кипело от напряжения.

Столовая. Тишина. Только тиканье часов на стене.

Она подошла к панели сигнализации. Рука дрожала, но она крепко сжала рычаг.

Раз. Два. Три.

Резкий, оглушительный звук разорвал тишину.

Алиса бросилась к вентиляции. Лезвие ножа легко вспороло решетку. Она пролезла внутрь, едва не зацепившись за край. Темнота. Пыль, въевшаяся в лёгкие. Узкий проход. Она поползла вперёд, чувствуя, как сердце бьётся в такт движениям. Где-то внизу – крики, топот ног. Сирена продолжала выть.

Я смогу. Я должна. Через несколько метров проход сузился. Она застряла. Паника нахлынула, как волна.

– Нет! – прошептала, сжимая нож.

Развернулась, пытаюсь пролезть боком. Ткань рубашки затрещала по швам, но она не остановилась. Ещё толчок. И – свобода. Проход расширился. Впереди – слабый свет. Она ползла дальше, чувствуя, как пот стекает по спине ледяными ручейками. Почти. Ещё немного.

Выбралась. Никого. Понеслась вперёд. Наконец она уви-

дела дверь. Металлическая, с маленьким замком. Ключ. Алиса вытащила его из кармана, дрожащими руками вставила в скважину. Поворот. Щелчок. Дверь открылась. Перед ней – складское помещение. Пустые ящики, коробки, пыль. «Тут же была капсула? Куда она делась? Здесь всё теперь иначе...»

А в дальнем углу – выход. Алиса сделала шаг вперёд. За спиной раздался голос, мягкий и знакомый:
– Ну вот мы и встретились снова.

Она обернулась. В проходе стоял Денис. Его лицо было спокойным. Почти добрым.

– Знаешь, – сказал он, протянул руку к её волосам и погладил светлые пряди. Потом резко схватил, дёргая вниз. Алиса вскрикнула, запрокидывая голову, боль обожгла кожу. – А я думал, ты будешь умнее.

Глава 6. Лиса в клетке

Химический туман, в который её погружали, рассеялся, оставив после себя ледяную, кристальную ясность. Второй ребёнок отправился в инкубатор. Нет, предположения тогда не обманули, они тайно подселили ей новый эмбрион. Алиса больше не плакала. Жалость к себе закончилась. Ненависти к Денису нет. Осталось отвращение к жизни.

Отчаяние, пожиравшее изнутри, сгорело дотла, и на его месте родилось нечто новое – холодная, отточенная решимость. Они думали, что сломали её. Они ошибались. Они превратили её в актрису, готовую сыграть главную роль в спектакле под названием «Смирение». Решение созрело мгновенно. Алиса решила – с неё хватит.

Она начала с малого. Когда Денис навещал её в восстановительной палате, она не отворачивалась к стене. Она смотрела на него. И в её взгляде не было ни ненависти, ни ужаса. Лишь усталая покорность.

– Ты был прав, – тихо говорила она однажды, глядя в окно на огороженный сад виллы. – Сопrotивляться бессмысленно. Я устала бороться. Я... я понимаю теперь важность проекта.

Денис, стоя у её кровати, нахмурился. Он изучал женщину, как всегда, ища подвох.

– Это разумная позиция, – осторожно ответил он.

– Я хочу помочь, – она повернула к нему лицо, и постаралась наполнить взгляд искренностью. – По-настоящему. Не из-под палки. Если мне суждено быть здесь, я не хочу быть просто... контейнером. Я хочу, чтобы ты гордился мной.

Она произнесла это с такой подобранной интонацией – смесь покорности и желания одобрения, – что увидела, как в его глазах мелькнула искра чего-то человеческого. Может, укол тщеславия? Может, смутная память о тех чувствах, что он когда-то имитировал?

Алиса сейчас выглядела совершенно иначе. Денис нахмурился. Ясный взгляд чистых глаз. На лице покой, не свойственный обычному образу за последние месяцы.

– Лучше будет, если вы воспользуетесь моими яйцеклетками. Тогда возможность произвести детей в большем количестве выгоднее. Не думаю, что у такой мощной организации нет возможности, как искусственная матка. Зачем мне вынашивать плод. Зачем изнашивать организм, когда вполне уместно будет моё донорство, если мои яйцеклетки такие важные.

– А знаешь, – Денис задумчиво потёр подбородок. – Ты права. Я поговорю с Робертом.

– Робертом? – переспросила Алиса. Это имя она ещё не слышала. И вспомнила того мужика, представившегося менеджером проекта.

– Тебе пока о нём знать и не нужно, дорогая, – тепло

улыбнулся Денис, даже слишком лучезарно, отчего у Алисы по спине пробежали мурашки.

«Надо собраться, – говорила она себе, – не расслабляйся, не верь ему».

Её «послушание» почти безупречное. Она выполняла все предписания врачей, ела, что давали, и с интересом расспрашивала Дениса о его работе, делая вид, что увлечена научной стороной проекта. Она даже снова позволила себе улыбаться. Сначала натянуто, потом всё естественнее. Женщина воскрешала в памяти ту самую Алису, что приехала в «Лагуну Тихую» – лёгкую, остроумную, жизнерадостную.

И это сработало.

Спустя неделю, с неё сняли постоянное наблюдение в палате. Ещё через несколько дней Денис, нехотя, согласился на её первую прогулку по территории виллы. Конечно, с ним.

– Здесь очень красиво, – сказала она, вдыхая воздух, делая вид, что наслаждается свободой. – Я скучала по этому дому.

На самом деле она сканировала периметр: высокий забор с колючей проволокой под током, камеры на каждом углу, датчики движения в кустах. Побег пока невозможен.

Но она заметила кое-что ещё. Помимо главного здания виллы, рядом отдельный, меньший корпус, почти скрытый зарослями плакучих ив. Туда часто ходили люди в белых халатах. Лаборатория. Сердце проекта. Почему раньше Алиса не замечала его. Теперь ей стало любопытно, что же это за ла-

боратория. Женщину не посвящали, что там происходит. Да и неважно раньше это было. Она больше боялась за себя. Думала о том, как вырваться из этого ада. «Может я зря замкнулась на своём страхе и на желании убежать, не изучив это место лучше»?

Постепенно, видя её «лояльность», Денис стал доверять Алисе больше. Ей разрешили выходить в парк одной. «Чтобы подышать воздухом и восстановить силы перед следующим циклом». Хотя она надеялась, что её идея о яйцеклетках найдёт понимание. Денис обещал поговорить с Робертом – тайном хозяине этого места. Или кто он вообще такой, спрашивала себя Алиса. «Новый цикл». Эти слова заставляли всему сжиматься внутри, но на лице у неё играла всё та же кроткая улыбка.

Именно в один из таких вечерних променадов, когда солнце уже кренилось к вершинам сосен, она увидела незнакомца.

В тени огромного дуба, у самого забора, мелькнула фигура. Не охранника, не учёного. Мужчина в тёмной куртке и кепке, надвинутой на глаза. В руках фотоаппарат. Это чужак. И он заметил её. Его глаза на секунду встретились с её взглядом, и в них вспыхнула такая же паника, что и у неё. Он резко отвернулся и сделал вид, что поправляет шнурок на ботинке.

Сердце Алисы заколотилось. Чужой. Первый чужой человек за все эти месяцы ада.

Она не подала вида. Но ей стало любопытно, кто это такой. Алиса прошла мимо, медленно, как будто наслаждаясь закатом. Но её мозг работал с бешеной скоростью. Журналист? Шпион? Женя?! Вдруг это он? Они были знакомы всего минут двадцать, поэтому Алиса не запомнила его комплекцию, и понятия не имела, какого он роста. «Ты дура, – сказала себе. – С чего ты взяла, что это он. Потому что у него фотоаппарат ты решила, что это журналист и это Женя»?

Мужчина стоял в тени деревьев, и Алиса плохо разглядел его. «Эта кепка, она закрывала лицо почти наполовину». Но точно он боялся быть обнаруженным так же, как и она.

Алиса задумалась, а когда посмотрела в сторону, где стоял мужчина, он исчез. Сердце заколотилось. Женщина расстроилась даже, что упустила возможность поговорить с ним. Надо было подойти ближе, чтобы рассмотреть его. Но он тоже насторожился, это читалось по лицу незнакомца. Она не запомнила его черт. Лицо какое-то безликое, словно скрытое каким-то туманом, или она просто находился слишком далеко, чтобы понять Женя это или совершенно незнакомый человек.

На следующую прогулку она прихватила с собой книгу. Села на ту же скамейку у дуба и сделала вид, что читает. Охранники спокойно оставили её и двинулись в сторону моря. Она ждала.

Он появился снова, осторожно, как тень. Алиса и не заметила, что он оказался за её спиной, но ей почему-то не страши-

но, она даже обрадовалась.

– Уходите, – тихо, но четко сказала она, не поднимая головы от книги. – Вас поймают.

Он замер. Затем, рискуя, подошёл ближе, делая вид, что любитесь видом. Опустился у скамейки на корточки и тихо проговорил:

– Удивился, что ты ещё жива.

Знакомый голос. Или показалось? Алиса медленно повернула голову. Дыхание перехватило. Можно казать, Женя и был чужим человеком. Но он знал о «Фениксе», и он не проехал мимо. И... только мысли о нём помогали ей не сдаваться.

– Жива, – тихо ответили Алиса. – И верила, что ты жив тоже... Женя. Почему ты пришёл сюда так поздно?

– У меня не было выбора, Алиса. «Феникс», они не только тебя можно сказать, похитили. Они... Прости за эмоции.

– Я знаю, Женя. И я верила, что ты не погиб. – Алиса смотрела на него такими глазами, словно знакома с ним тысячу лет. – Ты журналист и тот грузовик предназначался для тебя.

– Знаю. Они не простили мне, что я нашёл доказательства их преступлений: пропажу людей, странные смерти, которые не считают смертями. – Я знаю, кто ты. Алиса. Ты исчезла девять месяцев назад.

У неё перехватило дыхание. Кто-то знал. Кто-то искал.

– Они держат меня здесь, – выдохнула она, и голос её

дрогнул от нахлынувших эмоций. – Они... они заставили меня родить. Дважды. И хотят снова.

Женя выругался сквозь зубы:

– Жаль не успели тогда.

Алиса вкратце, сбивчиво, описала ему весь кошмар. Дениса, его необычную «смерть», проект, рождение детей.

Женя слушал, бледнея.

– Это чудовищно. Я должен это обнародовать. Но мне не хватает улик изнутри. Всё, что у меня есть, – это слухи и спутниковые снимки. Всё, что было тогда, исчезло после аварии.

– Я могу достать, – вдруг сказала Алиса, и сама испугалась своей смелости. – У них там есть лаборатория. С компьютерами, данными. Недавно я обнаружила ещё одно здание рядом с виллой. Странно, почему не замечала её раньше.

Женя смотрел на неё с сомнением и надеждой.

– Это крайне опасно. Если тебя поймут...

– Со мной уже сделали самое страшное, что можно представить, – её голос стал твёрдым. – Я не боюсь. Вытащи меня отсюда. Помоги мне, и я дам тебе всё, что у них есть. Или... что мне удастся добыть.

Он помолчал, оценивая слова, сказанные в эмоциональном порыве. «Она на грани. Могу ли я ей доверять. Выбора нет. Но и подвергать эту девчонку опасности не хочется!

– Хорошо. Договорились. Но тебе нужно быть осторожнее, чем когда-либо. Они не должны заподозрить ничего.

– Они не заподозрят, – пообещала Алиса, и в её глазах вспыхнул огонёк, которого не было давно. Огонёк борьбы. – У меня есть две недели до... до следующей инкубации. Я найду способ попасть в лабораторию.

– Я буду ждать здесь каждый вечер. Если что-то узнаешь, приходи. У меня есть план, как тебя вывезти. Дай бог, когда улики будут у меня в руках.

Алиса посмотрел по сторонам:

– Нам нельзя долго разговаривать. Это опасно.

– Запомни, около дуба. Он самый большой в парке.

– Знаю, – ответила Алиса и внезапно сжала руку Евгению. – Я постараюсь, но не знаю, что будет сегодня. Прости...

– Вот, – внезапно он суну руку в карман и вынул ручку. – Это не просто ручка, одной стороны флэшка, и если нажать вот сюда, – Женя показал на кнопку, которая выдвигала стержень, – включится диктофон.

– Это замечательно, – воодушевлённо кивнула Алиса и сунула ручку в книгу между страницами.

– Будь осторожна. – Женя смотрел на неё, и в его глазах читалось, что лучше бы на её месте был он. Или Алисе так хотелось думать.

– Хорошо, – ответила она.

Она поднялась и быстрым шагом направилась в сторону виллы. Сердце подпрыгивало от радости, от надежды сбежать из этой клетки и от страха быть пойманной.

Он кивнул ей и так же бесшумно растворился в сумерках.

Алиса остановилась на мгновение, сжимая в дрожащих руках книгу. Страх сдавил горло. Но сквозь страх пробивалось нечто новое – надежда. Острая, как лезвие, и опасная, как игра со спичками в пороховом погребе.

Женщина ещё в клетке. Но теперь у неё появился сообщник. И ключ к замку лежал там, в сердце лаборатории. Осталось всего одно – украсть его.

– Какого чёрта ты слушаешь её? – Из рта Роберта вылетела слюна. От ярости он готов разбить стакан с виски, который держал в руке о голову Дениса.

Тот стоял на коленях и покорно смотрел на ковёр с яркими узорами. Взглянуть на Роберта и не пытался. Дышал часто и впервые за долгие годы ему стало страшно.

– Она не знает и толики, и знать ей не нужно ничего.

– Я не отходил от легенды, господин. – Роберт покраснел и, глотнув виски, с грохотом поставил бокал на стол. – Она согласилась, она теперь готова к следующей фазе.

– Хм, ты что-то говорил ей о чипе? – Денис промолчал. – Что, язык проглотил?

– Она отказалась... Я пытал убедить... Вы же понимаете, что это добровольное... Иначе интеграция, наткнувшись на сопротивление, станет невозможной.

– Убирайся. И не доверяй этой стерве, – прорычал Роберт. – Не поддавайся эмоциям! Ты принимаешь препарат?

– Да, господин.

– Хотя в чём-то на тебя можно понадеяться. И помни. – Голос патрона смягчился. – Её мать принадлежала нам, и Алиса не обычный человек. Она продукт. Тогда я допустил большую ошибку, согласившись на стирание. Мы упустили важное звено. Теперь промаха быть не должно. Иначе нас всех вздёрнут за яйца. Ты понял?!

– Да, Роберт Генрихович. Всё будет под контролем.

– У тебя неделя, чтобы подготовить «феникс» 47 к интеграции с чипом. Тогда она уже никуда не денется. А с яйцеклетками её идея хороша. – Денис слегка улыбнулся. Положил ладони на затёкшие ноги. – Поднимайся! – велел Роберт, – и проваливай.

Мужчина, тяжело встав, потёр поясницу и направился к выходу.

– Да и что там с этим журналистом?

Денис обернулся:

– Почему спрашиваете, Роберт Генрихович? – он непонимающе свёл брови. – Авария поставила крест на его уликах, мы всё изъяли.

– Я слышал, он остался жив.

Денис покачал головой:

– Даже если так. Вряд ли он снова сунется сюда.

– Кто знает, кто знает, объект номер один.

– Вы давно так не называли меня.

– Поэтому помни, кто ты, и что любая угроза организа-

ции – это опасность и для тебя лично.

Дверь захлопнулась. Денис опустошённый и разбитый медленно шёл по коридору. В голове стучали маленькими молоточками мысли. Он помнил себя прежним, и сделку, которая изменила всё. Раньше Роберт не был таким. Что сделала с ним власть и вседозволенность, Денис горько усмехнулся. Легенда о жене, которую не удалось вылечить. Она подействовала. Но сам-то он знал, что был неизлечимо болен сам. Это у него выхода не было кроме как стать «фениксом» под номером один.

Денис помнил свой страх и желание покончить с собой. Смирение, а потом рождение нового себя. После интеграции с чипом он стал другим человеком – сильным, здоровым и уверенным в себе. Часто задавался вопросом, что плохого видит Алиса в слиянии с системой. Это возможность. Но вспоминая вои ощущения, он понимал её. Наверняка поэтому и был с ней лояльнее, чем надо.

Он вышел к лаборатории – сердцу проекта. Это небольшое здание, где хранилась вся информация, и находились серверы «Феникса». Денис глянул на часы. Час ночи. Пора ознакомиться с данными, которые прислали партнёры из Лэнгли.

Набрал код. «Для чего этот звук, – поморщился Денис, – чтобы тот, кому не нужно запомнил мелодию»? Дверь с тихим шипением отъехала в сторону.

Его подозрения имели почву. Денис помнил, как сам вос-

пользовался системой, запомнив музыку кода.

Алиса не знала об том случае, но затаившись кустарнике, отчётливо слышала звук кнопок. Через десять минут у лаборатории появился высокий мужчина с крупными чертами лица. Раньше женщина его ни разу не видела. Острый нос и тёмные с проседью волосы. Он коснулся приборной панели узловатым пальцем. Набрал код. Поморщился. Выругался.

«Да он пьян», – пронеслось в мыслях Алисы. Она сделала шаг назад, к входу на виллу, прокручивала мелодию-код голове снова и снова, пытаясь запомнить её.

Глава 7. Цена свободы

Острый, отточенный план созрел в голове Алисы за последние сутки, словно кристалл, готовый пронзить броню её заточения. Ключом к нему стала неосторожная, брошенная мимоходом фраза Дениса за ужином: «Максим, наш новый нейробиолог, работает над калибровкой эмоциональных маркеров. Его данные помогут усовершенствовать интерфейс „Феникса“».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.